

НАРОДНО-ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

И. Бунина

W $\frac{S20}{S30}$

ИЗБРАННЫЕ
РАЗСКАЗЫ

Издание второе

Т-во КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ

95
НАРОДНО-ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

W $\frac{S20}{S30}$

Ив. БУНИНЪ

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

СОНЪ ОБЛОМОВА-ВНУКА

Илѣ девять лѣтъ. На немъ гимназическiй картузь, шелковая коричневая косоворотка, козловые сапожки съ сафьяновымъ ободкомъ на голенищахъ. Онъ сидитъ сзади отца на бѣговыхъ дрожкахъ, дрожки шибко катятся большой дорогой, а вокругъ—поле, лѣтнее жаркое утро...

Старую донскую кобылу подали къ крыльцу чуть не на разсвѣтѣ. Но Боже, сколько разъ заглядывалъ Иля въ кабинетъ отца, въ тщетной надеждѣ, что разговоръ со старостой кончень! Уже и росистая трава въ тѣни отъ амбаровъ успѣла высохнуть, и запахло въ саду бѣлоснѣжной, оцѣпенѣвшей на солнечномъ припекѣ черемухой... Даже кобыла, и та стала задремывать отъ скуки: осѣла на лѣвую заднюю ногу, прижала одно ухо, прикрыла глаза...

Но всему бываетъ конецъ, кончилась и пытка ожиданiя. Держится Иля за кожаную подушку сидѣнья, задравъ ноги на заднюю ось и почти касаясь лбомъ витыхъ стволонъ на

окающiя на
нихъ бѣлая
пую шею и
нце стоитъ
ь стала го-
ной мазью...
дѣ колесь,
... Но вотъ
мъ коридо-
1

ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНА СССР
ЛЕНИНА

48645-47

В перепл.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковнй	1945 г.
2						X	99 385	

СОНЪ ОБЛОМОВА-ВНУКА

Илѣ девять лѣтъ. На немъ гимназическій картузь, шелковая коричневая косоворотка, козловые сапожки съ сафьяновымъ ободкомъ на голенищахъ. Онъ сидитъ сзади отца на бѣговыхъ дрожкахъ, дрожки шибко катятся большой дорогой, а вокругъ—поле, лѣтнее жаркое утро...

Старую донскую кобылу подали къ крыльцу чуть не на разсвѣтѣ. Но Боже, сколько разъ заглядывалъ Иля въ кабинетъ отца, въ тщетной надеждѣ, что разговоръ со старостой конченъ! Уже и росистая трава въ тѣни отъ амбаровъ успѣла высохнуть, и запахло въ саду бѣлоснѣжной, оцѣпенѣвшей на солнечномъ припекѣ черемухой... Даже кобыла, и та стала задремывать отъ скуки: осѣла на лѣвую заднюю ногу, прижала одно ухо, прикрыла глаза...

Но всему бываетъ конецъ, кончилась и пытка ожиданія. Держится Иля за кожаную подушку сидѣнья, задравъ ноги на заднюю ось и почти касаясь лбомъ витыхъ стволонъ на спинѣ отца, поглядываетъ, какъ трепещутъ сверкающія на солнцѣ спицы, какъ бѣжитъ по пыли возлѣ нихъ бѣлая съ подпалинами Джальма, близко видитъ загорѣлую шею и широкій затылокъ подъ бѣлымъ картузомъ... Солнце стоитъ высоко и сильно припекаетъ, кожа на дрожкахъ стала горячая,—пріятно пахнетъ нагрѣтой кожей и колесной мазью... Душная густая пыль облакомъ встаетъ изъ-подъ колесъ, парусиновый пиджакъ на плечахъ отца темнѣетъ... Но вотъ и проселокъ—полевой рубежъ, длиннымъ, узкимъ коридо-

Библиотека
Ленина
МОСКВА СССР
И. В. ЛЕНИНА

4864-112

перевод

*Вил
84*

ромъ теряющійся межъ стѣнами высокой сѣро-зеленой ржи. Отецъ сдерживаетъ лошадь и закуриваетъ, пуская черезъ плечо клубъ душистаго дыма...

Ахъ, эти проселки! Весело ѣхать по глубокимъ колеямъ, заросшимъ муравой, повиликой, какими-то бѣлыми и желтыми цвѣтами на длинныхъ стебляхъ. Ничего не видно ни впереди, ни по сторонамъ,—только безконечный, суживающійся вдали коридоръ межъ стѣнами колосистой гущи, да небо, а высоко на небѣ—жаркое лучистое солнце. Синіе васильки, лиловая куколь и желтая сурѣпка цвѣтутъ во ржи. Дрожки задѣваютъ колосья, растущіе кое-гдѣ по дорогѣ, и они однообразно клонятся подъ колеса и выходятъ изъ-подъ нихъ черными, испачканными колесной мазью. Мелкіе кузнечики сухимъ дождемъ непрерывно сыплются изъ подорожника... Неожиданно потянуло откуда-то легкимъ вѣтеркомъ, солнечной теплотою... Отецъ подбираетъ вожжи... И опять заиграли спицы, закружились передъ глазами пестрые вѣнки наверхтѣвшихъ на втулки цвѣтовъ, запрыгали дрожки по выбоинамъ... Тутъ надо держаться покрѣпче, но, ухватившись за сидѣнье обѣими руками, все-таки пристально слѣдишь за тѣмъ, какъ навстрѣчу, лоснясь, бѣгутъ сѣро-зеленыя волны, какъ тѣнь отъ облачка то тамъ, то здѣсь на мгновение затушевываетъ ихъ, какъ полоумная Джальма носится, хлопая ушами, за перепелами и жаворонками: иногда совершенно пропадаетъ во ржи,—только по волнистой линіи, струящейся за нею, видно, гдѣ она,—а иногда высоко выпрыгиваетъ изъ колосьевъ, удивленно озираясь по сторонамъ...

Порою встрѣчалась телѣга, а въ ней—баба съ бѣлоголовымъ мальчикомъ на колѣняхъ, которая неумѣло держитъ веревочныя вожжи, неумѣло сворачиваетъ, заѣзжая въ рожь, при чемъ бокастая лошаденка съ жадностью хватаетъ губами колосья... Встрѣтился однажды мужикъ: онъ безъ шапки сидѣлъ на грядкѣ телѣги, возлѣ длиннаго узкаго гробика изъ золотистаго теса, и веселое лучистое солнце жарко пекло его лохматую голову... Встрѣчался урядникъ верхомъ

на худой длинношеей клячѣ, или бородатый, могучій о. Алексѣй въ широкополой шляпѣ, высоко возсѣдавшій на своей телѣжкѣ, за которой бѣжалъ жеребенокъ мышинаго цвѣта на длинныхъ, тонкихъ ножкахъ... Все это портило дѣло: вѣдь такъ хотѣлось чувствовать себя въ совершенно безлюдномъ краю! Но бывало и хуже: иногда вдали показывался тарантасъ, а въ тарантасѣ—загорѣлый помѣщикъ въ крылаткѣ, въ дворянскомъ картузѣ, съ изумленно выкаченными бѣлками. Увидавъ сосѣда, онъ изумлялся еще болѣе, радостно тарачилъ глаза и разводилъ руками, а кучерь въ плисовой безрукавкѣ и круглой дѣтской шапочкѣ съ павлиньими перьями останавливалъ тройку. Останавливалъ лошадь и отецъ, слѣзалъ съ дрожекъ навстрѣчу вылѣзавшему изъ тарантаса толстяку—и начинались безконечные разговоры. Помѣщикъ говорить страшно громко, размахиваетъ руками и все кого-то бранить... Потомъ надъ чѣмъ-то долго, съ мучительнымъ наслажденіемъ хохочетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ... Отецъ тоже кричитъ и тоже хохочетъ...

— Ну, до свиданья, до свиданья!—наконецъ говорить онъ, нахохотавшись.

— До свиданья, батюшка,—очень радъ былъ встрѣтиться!

— Мой поклонъ вашему семейству!

— И вашимъ также передайте мой сердечный привѣтъ!

— Восемнадцатаго будете?

— Обязательно, обязательно!

Помѣщикъ становится на подножку тарантаса, накренивая его, съ трудомъ усаживается... Но не проходитъ и минуты, какъ сзади опять раздается крикъ:

— Сосѣдъ! На минуточку!

И опять стоянка, опять разговоры...

Утомленная, но счастливая своими хлопотами Джальма сидитъ у колесъ и жарко дышитъ, изрѣдка, съ короткимъ стукомъ, лова зубами мухъ. Въ небѣ блестятъ и кудрявятся бѣлыя облака, всюду столько свѣта и радости, какъ бываетъ лишь въ іюнь, и все неподвижнѣе становится воздухъ къ полудню. Два желтыхъ мотылька, какъ два лепестка розы,

беззвучно и однообразно играют надъ склонившимися въ оцѣпенѣннѣи колосьями, надъ цвѣтами и травами, нагрѣтыми зноемъ. Сладко пахнеть васильками... И щурясь отъ солнца, Иля какъ въ забытьи слѣдитъ за облакомъ, похожимъ на пуделя, которое, медленно тая, плыветъ по свѣтозарной сини неба, прислушивается, какъ въ травѣ сипятъ кузнечики, а надъ головою на тысячу ладовъ сонно звенить жалобными дискантами воздушная музыка насѣкомыхъ, неумолчно воспѣвающихъ дали, млѣющія въ маревѣ зноя, радость и свѣтъ солнца, безпричинную, божественную радость жизни...

— Уснулъ?—раздается вдругъ бодрый голосъ.

Наговорившись, отецъ гонитъ лошадь шибко, и дрожки точно сами собою бѣгутъ по наклонной дорогѣ, къ какому-то широкому и неглубокому лугу среди степныхъ косогоровъ. За этимъ логомъ слѣдуетъ длинный подъемъ на покатую гору, залитую зелеными овсами, а съ горы открывается видъ на новый, еще болѣе широкой и разлтый логъ. Тутъ были заливные болотистые лужки, и мелкая степная рѣчка, извинаясь по нимъ, дѣлала много широкихъ затоновъ, густо заросшихъ зелеными щетками куги. Оттого, что горизонтъ былъ со всѣхъ сторонъ замкнутъ этими похожими на ржаные хлѣбы косогодами, глухо тутъ было на рѣдкость, но какая милая, своеобразная жизнь—жизнь куличковъ, бекасовъ и дикихъ чирковъ—чувствовалась въ тишинѣ и глуши этихъ мелкихъ затоновъ

—Держись!—кричитъ отецъ сквозь дребезжаніе бѣгущихъ подъ гору дрожекъ.

И вдругъ дребезжаніе сразу обрывается.

Подъ горою вѣтерокъ спадаетъ. Солнце печетъ, колеса шуршатъ въ густой насыщенной водой травѣ. Прѣсно пахнеть теплымъ иломъ, разогрѣтой кугою; бѣлая, какъ снѣгъ, рыбалка неожиданно вырывается изъ кочкарниковъ и сверкаетъ въ воздухѣ острыми крыльями... А вотъ и болото—серебристо-зеркальные затоны съ островками тонколистной осоки...

Не спуская съ нихъ глазъ, отецъ передаетъ Илѣ вожжи,

осторожно слѣзаетъ съ дрожекъ и, скинувъ ружье, торопливо, но безшумно направляется къ нимъ.

— Джальма!—строго, отрывисто и негромко говоритъ онъ какимъ-то особымъ, условнымъ тономъ Джальмѣ, которая перепрыгиваетъ съ кочки на кочку съ высунутымъ языкомъ. Длинные сапоги его тонуть въ мягкихъ кочкарникахъ, серебристые пузыри остаются въ его слѣдахъ, отпечатывающихся въ бархатистой и влажной травѣ... Отъ солнца и блеска воды свѣтло такъ, что больно смотрѣть...

— Джальма!

И Джальма, быстро оглянувшись, вдругъ—бултыхъ въ воду и, наслаждаясь прохладой, медленно плыветъ по затону къ камышамъ. Изъ воды видна только ея вытянутая прилизанная голова съ опущенными ушами и длинный хвостъ, который плыветъ за ней какъ чужой, какъ палка. Потомъ и голова, и хвостъ заворачиваютъ въ камыши, отецъ входитъ по колѣна въ воду и тоже скрывается въ камышахъ. Проходитъ десять, двадцать минутъ напряженного молчанія... Гдѣ-то далеко раздается тяжкій глухой выстрѣлъ... Весь встрепенувшись, пристально глядитъ Иля впередъ, но за камышами ничего не видно. Въ камышахъ что-то осторожно попискиваетъ и булькаетъ; по широкой лужѣ недалеко отъ дрожекъ, граціозно извиваясь, проплываетъ ужъ; перламутрово-голубыя стрекозы съ трескомъ распускаютъ длинные стеклянные крылышки, вылетая изъ горячей травы, а высоко въ ясномъ небѣ медленно вырастаетъ и вытягивается большое бѣлоснѣжное облако... Вотъ оно приняло образъ сказочнаго исполина, а изъ затона, въ которомъ, углубляя его, ярко свѣтитъ отраженіе этого исполина, что-то глухо, угрюмо и жалобно ухнуло... Ухнуло—и выжидательно замолчало...

— Бычки!—вспоминаетъ Иля загадочное слово, оброненное отцомъ, и весь замираетъ отъ сладкаго ужаса.

Воображеніе мгновенно создаетъ образъ какого-то фантастическаго существа, одного изъ тѣхъ страшныхъ подводныхъ жителей, что глубоко скрываются въ болотахъ и только изрѣдка высовываютъ свои лобастыя, рогатыя головы съ

выпученными глазами на свѣтъ Божій. Что, если выглянетъ такой бычокъ именно теперь, въ этотъ безмолвный часъ знойнаго полдня? И, косясь на затонъ, Иля не замѣчаетъ, что картузь его съѣхалъ на затылокъ, что комары облѣпили ему потную шею и руки и что ослѣпительно-жаркое солнце бьетъ прямо въ лицо...

Вдругъ раздается кашель. Иля вздрагиваетъ и мгновенно возвращается къ дѣйствительности. Отецъ идетъ по поясъ мокрый, хлопаетъ тяжелыми сапогами, налитыми болотной водой.

— Тутъ... бычки,—говоритъ Иля нерѣшительно.

— Ну, и что же?

— Они очень большіе?

— Кто? Бычки-то? Да вѣдь это жучки. Водяные жучки!

— Какъ жучки?—бормочетъ Иля, пораженный и разочарованный.

Отецъ раскраснѣлся, разстегнулъ воротъ рубахи, лицо у него доброе и оживленное. Подойдя къ дрожкамъ, онъ бросаетъ Илѣ убитаго чирка, и, мгновенно забывъ о бычкахъ, Иля съ жадностью ловитъ его на лету. Чирокъ еще теплый! Головка съ закатившимися глазами, подернутыми бѣлесой пленкой, безсильно падаетъ на радужный зобикъ, брюшко въ запекшейся крови... Но какъ снѣ славно пахнетъ тиной и порохомъ! И Джальма вылѣзаетъ изъ осоки тоже веселая и удовлетворенная. Глаза безумные, съ длиннаго краснаго языка льетъ слюна, бѣлая атласная шерсть вся прилизана, уши висятъ, ноги въ илѣ—точно въ черныхъ чулкахъ...

Мокрая, блестящія шины снова шуршатъ по бархатной сочной травѣ, изрѣдка врѣзываясь въ воду и разбрасывая во всѣ стороны свѣтлыя длинныя брызги. Луги, въ которыхъ золотыми полосами то тамъ, то здѣсь вспыхиваетъ жаркій солнечный блескъ, мелькаютъ передъ глазами. Изъ куги то и дѣло съ жалобными стопами вырываются кулички... Потомъ мягкій кочкарникъ сразу обрывается,—дрожки снова трещатъ по дорогѣ, убѣгающей въ гору... Но Иля едва замѣчаетъ все это.

Ахъ, когда онъ вырастетъ, онъ будетъ самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ! Онъ поселится на хуторѣ, будетъ жить только охотой, будетъ каждый день чистить кирпичомъ и промазывать свое ружье, будетъ варить себѣ кулешъ, спать прямо возлѣ порога флигеля, на войлокѣ, а просыпаться еще въ ту пору, когда едва-едва брезжитъ зелено-серебристый разсвѣтъ...

Да и теперь чудесно. Дышитъ Иля чистымъ полевымъ вѣтромъ, слушаетъ хохлатыхъ жаворонковъ, распѣвающихъ надъ полями, въ облакахъ, въ безконечномъ просторѣ... Степь вокругъ, куда ни кинь взоръ, зеленая, ровная, вольная. И ни души въ степи, ни кустика, ни деревца,—только далеко впереди машетъ, какъ утопающій руками, чья-то мельница...

Сонъ, сонъ!

АНТОНОВСКІЯ ЯБЛОКИ

Осень, идутъ непрерывные дожди; на улицѣ дребезжать извозчичьи экипажи и съ гуломъ, съ грохотомъ катятся тяжелыя конки; по цѣлымъ днямъ сижу я за работой, гляжу въ окно, на мокрыя вывѣски и сѣрое небо, и все деревенское далеко отъ меня. Но по вечерамъ я читаю старыхъ поэтовъ, родныхъ мнѣ по быту, по душѣ и даже по мѣстности,—средней полосѣ Россіи. А ящики моего письменнаго стола полны антоновскими яблоками, и здоровый аромат ихъ—запахъ меда и осенней свѣжести—переноситъ меня въ помѣщичьи усадьбы, въ тотъ міръ, который скудѣлъ, дробился, а теперь уже гибнетъ, о которомъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ будутъ знать только по нашимъ рассказамъ...

Вспоминается мнѣ ранняя погожая осень. Августъ былъ съ теплыми дождиками, какъ-будто нарочно выпадавшими для сѣва,—съ дождиками въ самую пору, въ срединѣ мѣсяца, около праздника св. Лаврентія. А „осень и зима хороши живутъ, коли на Лаврентія вода тиха и дождикъ“. Потомъ, бабьимъ лѣтомъ, паутины много сѣло на поля. Это тоже добрый знакъ: „Много тенетника на бабье лѣто—осень ядреная“... Помню раннее, свѣжее и тихое утро. Помню весь золотой, подсохшій и порѣдѣвшій садъ, помню кленовыя аллеи, тонкій аромат опавшей листвы и—запахъ яблокъ. Воздухъ такъ чистъ, точно его совсѣмъ нѣтъ, по всему саду раздаются голоса и скрипъ телѣгъ. Это тархане, мѣщане-садов-

ники, наняли мужиковъ и насыпаютъ яблоки, чтобы въ ночь отправлять ихъ въ городъ,—непремѣнно въ ночь, когда такъ славно лежать на возу, смотрѣть въ звѣздное небо, чувствовать запахъ дегтя въ свѣжемъ воздухѣ и слушать, какъ осторожно поскрипываетъ въ темнотѣ длинный обозъ по большой дорогѣ. Мужикъ, насыпающій яблоки, ѣстъ ихъ съ сочнымъ трескомъ одно за другимъ, но ужъ таково заведеніе—никогда мѣщанинъ не оборветъ его, а еще скажетъ:

— Вали, ѣшь досыта,—дѣлать нечего! На сливаньи всѣ медъ пьютъ.

И прохладную тишину утра нарушаетъ только сытое квохтанье дроздовъ на коралловыхъ рябинахъ въ чащѣ сада, голоса да гулкой стукъ ссыпаемыхъ въ мѣры и кадушки яблокъ. Въ порѣдѣвшемъ саду далеко видна дорога къ большому шалашу, усыпанная соломой, и самый шалашъ, около котораго мѣщане обзавелись за лѣто цѣлымъ хозяйствомъ. Всюду сильно пахнетъ яблоками, тутъ—особенно. Въ шалашѣ устроены постели, стоитъ одноствольное ружье, позеленѣвшій самоваръ, въ уголкѣ—посуда. Около шалаша валяются рогожи, ящики, всякіе истрепанные пожитки, вырыта земляная печка. Въ полдень на ней варится великолѣпный кулешъ съ саломъ, вечеромъ грѣтся самоваръ, и по саду, между деревьями, мирно разстилается длинной полосой голубоватый дымъ. Въ праздничные же дни около шалаша цѣлая ярмарка и за деревьями поминутно мелькаютъ красныя уборы. Толпятся бойкія дѣвки-одноворки въ сарафанахъ, сильно пахнущихъ краской, приходятъ „барскія“ въ своихъ красивыхъ и грубыхъ, дикарскихъ костюмахъ, молодая старостиха съ широкимъ соннымъ лицомъ и важная, какъ холмогорская корова. На головѣ ея „рога“,—косы положены по бокамъ макушки и покрыты нѣсколькими платками, такъ что голова кажется огромной; ноги, въ полусапожкахъ съ подковками, стоятъ тупо и крѣпко; безрукавка—плисовая, занавѣска длинная, а панева—черно-лиловая съ полосами кирпичнаго цвѣта и обложенная на подолѣ широкимъ золотымъ „прозументомъ“...

— Хозяйственная бабочка!—говорить о ней мѣщанинъ, покачивая головою.—Переводятся теперь такія...

А мальчишки въ бѣлыхъ замашныхъ рубашкахъ и коротенькихъ порточкахъ, съ бѣлыми раскрытыми головами все подходятъ. Идутъ подвое, потрое, мелко перебирая босыми ножками, и косятся на лохматую овчарку, привязанную къ яблонѣ. Покупаютъ, конечно, одинъ, ибо и покупки-то всего на копейку или на яйцо, но покупателей много, торговля идетъ бойко, и худой чахоточный мѣщанинъ въ длинномъ сюртукѣ и рыжихъ сапогахъ—весель. Вмѣстѣ съ братомъ, картавымъ, шустрымъ полуидіотомъ, который живетъ у него „изъ милости“, онъ торгуется съ шуточками, прибаутками и даже иногда „тронетъ“ на тульской гармоникѣ. И до вечера въ саду толпится народъ, слышится около шалаша смѣхъ и говоръ, а иногда и топотъ пляски...

Къ ночи въ погоду становится очень холодно и росисто. Надышавшись на гумнѣ ржанымъ ароматомъ новой соломы и мякины, бодро идешь домой къ ужину мимо садоваго вала. Голоса на деревнѣ или скрипъ воротъ раздаются по студенной зарѣ необыкновенно ясно. Темнѣетъ. И вотъ еще запахъ: въ саду—костеръ, и крѣпко тянетъ душистымъ дымомъ вишневыхъ сучьевъ. Въ темнотѣ, въ глубинѣ сада—сказочная картина: точно въ уголкѣ ада, пылаетъ около шалаша багровое пламя, окруженное мракомъ, и чьи-то черные, точно вырѣзанные изъ чернаго дерева, силуэты двигаются вокругъ костра, межъ тѣмъ какъ гигантскія тѣни отъ нихъ ходятъ по яблонямъ. То по всему дереву ляжетъ черная рука въ нѣсколько аршинъ, то четко нарисуются двѣ ноги—два черныхъ столба. И вдругъ все это скользнетъ съ яблони—и тѣнь упадетъ по всей аллеѣ, отъ шалаша до самой калитки..

Поздней ночью, когда на деревнѣ погаснутъ огни, когда въ небѣ уже высоко блещетъ бриллиантовое семизвѣздіе Стожаръ, еще разъ пробѣжишь въ садъ. Шурша по сухой листвѣ, какъ слѣпой, доберешься до шалаша. Тамъ, на полянкѣ, немного свѣтлѣе, а надъ головой бѣлѣетъ Млечный Путь.

— Это вы, барчукъ?—тихо окликаетъ кто-то изъ темноты.

— Я. А вы не спите еще, Николай?

— Намъ нельзя-съ спать. А, должно, ужъ поздно? Вонъ, кажись, пассажирскій поѣздъ идетъ...

Долго прислушиваемся и различаемъ дрожь въ землѣ. Дрожь растеть, переходитъ въ шумъ—и вотъ, какъ-будто уже за самымъ садомъ, ускоренно выбиваютъ шумный тактъ колеса: громыхая и стуча, несется поѣздъ... ближе, ближе все громче и сердитѣе... И вдругъ начинается стихать, глхнуть, точно уходя въ землю...

— А гдѣ у васъ ружье, Николай?

— А вонъ возлѣ ящика-съ.

Вскинешь кверху тяжелую, какъ ломъ, одностволку и съ маху выстрѣлишь. Багровое пламя съ оглушительнымъ трескомъ блеснетъ къ небу, ослѣпитъ на мигъ и погаситъ звѣзды, а бодрое эхо кольцомъ грянетъ и раскатится по горизонту, далеко-далеко замирая въ чистомъ и чуткомъ воздухѣ.

— Ухъ, здорово!—скажетъ мѣщанинъ.—Потрачайте, потрачайте, барчукъ. а то просто бѣда! Опять всю дулю на валу отрясли...

А черное небо чертятъ огнистыми полосками падающія звѣзды. Долго глядишь въ его темно-синюю глубину, переполненную созвѣздіями, пока не поплыветъ земля подъ ногами. Тогда вострепнешься и, пряча руки въ рукава, быстро побѣжишь по аллеѣ къ дому... Какъ холодно, росисто и какъ хорошо жить на свѣтѣ!

II

„Ядреная антоновка—къ веселому году“. Деревенскія дѣла хороши, если антоновка уродилась: значить, и хлѣбъ уродился... Вспоминается мнѣ урожайный годъ.

На ранней зарѣ, когда еще кричатъ пѣтухи и „почерному“ дымятся избы, распахнешь, бывало, окно въ прохладный садъ, наполненный лиловатымъ туманомъ, сквозь кото-

рый ярко блестит кое-гдѣ утреннее солнце, и не утерпишь— велишь поскорѣе засѣдывать лошадь, а самъ побѣжишь умываться на прудъ. Мелкая листва почти вся облетѣла съ прибрежныхъ лозинъ, и сучья сквозятъ на бирюзовомъ небѣ. Вода подь лозинами стала прозрачная, ледяная и какъ-будто тяжелая. Она мгновенно прогоняетъ ночную лѣнь, и, умывшись и позавтракавъ въ людской съ работниками горячими картошками и чернымъ хлѣбомъ съ крупной сырой солью, съ наслажденіемъ чувствуешь подь собой скользкую кожу сѣдла, проѣзжая по Выселкамъ на охоту. Осень—пора престольныхъ праздниковъ, и народъ въ это время прибранъ, доволенъ, видь деревни совсѣмъ не тотъ, что въ другую пору. Если же годъ урожайный и на гумнахъ возвышается цѣлый золотой городъ, а на рѣкѣ звонко и рѣзко гогочутъ по утрамъ гуси, такъ въ деревнѣ и совсѣмъ не плохо. Къ тому же наши Выселки споконъ вѣку, еще со временъ дѣдушки Аполлона Платоновича, славились „богатствомъ“. Старики и старухи жили въ Выселкахъ очень подолгу,—первый признакъ богатой деревни,—и были все высокіе, большіе и бѣлые, какъ лунь. Только и слышишь бывало: „Да,—вотъ Агафья восемьдесятъ три годочка отмахала!“—или разговоры въ такомъ родѣ:

— И когда это ты умрешь, Панкратъ? Небось тебѣ лѣтъ сто будетъ?

— Какъ изволите говорить, батюшка?

— Сколько тебѣ годовъ, спрашиваю!

— А не знаю съ, батюшка.

— Да Платона Аполлоныча-то помнишь?

— Да какъ же съ, батюшка,—явственно помню.

— Ну, вотъ видишь. Тебѣ значитъ, никакъ не меньше ста.

Старикъ, который стоитъ передь бариномъ вытянувшись, кротко и виновато улыбается. Что жъ, молъ, дѣлать,—виновать, зажился И онъ, вѣроятно, еще болѣе зажился бы, если бы не объѣлся въ Петровки луку.

Помню я и старуху его. Все, бывало, сидитъ на скамеечкѣ, на крыльцѣ, согнувшись, трясъ головой, задыхаясь и дер-

жась за скамейку руками,—все о чемъ-то думаетъ „О добрѣ своемъ небось“, говорили бабы, потому что „добра“ у нея въ сундукахъ было, правда, много. А она будто и не слышитъ; подслѣловато смотреть куда-то вдаль изъ-подь грустно приподнятыхъ бровей; трясетъ головой и точно силится вспомнить что-то. Большая была старуха, вся какая-то темная. Панева—чуть не прошлаго столѣтія, чуньки—покойницкія, шея—желтая и высохшая, рубаха съ канифасовыми косяками всегда бѣлая, бѣлая— „совсѣмъ хоть въ гробъ клади“. А около крыльца большой камень лежалъ: сама купила себѣ въ селѣ на могилку, такъ же, какъ и саванъ,—отличный саванъ, съ ангелами, съ крестами и съ молитвой, напечатанной по краямъ.

Подь стать старикамъ были и дворы въ Выселкахъ: кирпичные, строенные еще дѣдами. А у богатыхъ мужиковъ— у Савелия, у Игната, у Дрона,—избы были въ двѣ-три связи, потому что дѣлится въ Выселкахъ еще не было моды. Въ такихъ семьяхъ водили пчель, гордились жеребцомъ-битюгомъ сиво-желѣзнаго цвѣта и держали усадьбы въ порядкѣ. На гумнахъ темнѣли густые и тучные конопляники, стояли овины и риги, крытые вприческу, въ пунькахъ и амбарчикахъ были желѣзные двери, за которыми хранились холсты, прялки, новые полушубки, наборная сбруя, мѣры, окованные мѣдными обручами. На воротахъ и на санкахъ были выжжены кресты. И помню, мнѣ порою казалось на рѣдкость заманчивымъ быть мужикомъ. Когда, бывало, ѣдешь солнечнымъ утромъ по деревнѣ, все думаешь о томъ, какъ хорошо косить, молотить, спать на гумнѣ въ ометахъ, а въ праздникъ встать вмѣстѣ съ солнцемъ, подь густой и музыкальный благовѣстъ изъ села, умыться около бочки и надѣть чистую замашную рубаху, такіе же портки и несокрушимые сапоги со стальными подковками. Если же, думалось, къ этому прибавить здоровую и красивую жену въ праздничномъ уборѣ, да поѣздку къ обѣднѣ, а потомъ обѣдъ у бородатаго тестя,—обѣдъ съ горячей бараниной на деревянныхъ тарелкахъ и съ ситниками, съ сотовымъ медомъ и брагой,—такъ большаго и желать невозможно.

Складъ мелкопомѣстной дворянской жизни, который теперь сталъ сбиваться уже на мѣщанскій, въ прежніе года, да еще и на моей памяти,—очень недавно,—имѣлъ много общаго со складомъ богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосвѣтскому благополучію. Такова, напримѣръ, была усадьба тетки Анны Герасимовны Кологривовой, жившей отъ Выселокъ верстахъ въ двѣнадцать.

Пока, бывало, доѣдешь до этой усадьбы, уже совсѣмъ ободняется. Съ собаками на сворахъ ѣхать приходится шагомъ, да и спѣшить не хочется,—такъ весело въ открытомъ полѣ въ солнечный и прохладный день! Мѣстность ровная, видно далеко. Небо — легкое и такое просторное, глубокое. Солнце сверкаетъ сбоку, и дорога, укатанная послѣ дождей телѣгами, замаслилась и блеститъ, какъ рельсы. Вокругъ раскидываются широкими косяками свѣжія, пышно-зеленія озими. Взовьется откуда нибудь ястребокъ въ прозрачномъ воздухѣ и замретъ на одномъ мѣстѣ, трепеща острыми крыльшками. А въ ясную даль убѣгаютъ четко видныя телеграфныя столбы, и проволоки ихъ, какъ серебряныя струны, скользятъ по склону яснаго неба. На нихъ сидятъ копчики,—совсѣмъ черныя значки на нотной бумагѣ.

Крѣпостного права я не зналъ и не видѣлъ, но, помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовалъ его. Въѣдешь во дворъ и сразу ощутишь, что тутъ оно еще вполне живо. Усадьба небольшая, но вся старая, прочная, окруженная столѣтними березами и лозинами. Надворныхъ построекъ,—невысокихъ, но домовитыхъ,—множество, и всѣ онѣ точно слиты изъ темныхъ дубовыхъ бревенъ подъ соломенными крышами. Выдѣляется величиной или, лучше сказать, длиной только почернѣвшая людская, изъ которой выглядываютъ послѣдніе могиканы двороваго сословія—какіе-то ветхіе старики и старухи, дряхлый поваръ въ отставкѣ, похожій на Донъ-Кихота. Всѣ они, когда въѣзжаешь во дворъ, подтягиваются и низко-низко кланяются. Сѣдой кучеръ, направляющійся отъ каретнаго сарая взять лошадь, еще у сарая снимаетъ шапку и по всему двору идетъ съ обнаженной

головой. Онъ у тетки ѣздилъ „форейторомъ“, а теперь возить ее къ обѣднѣ,—зимой въ возкѣ, а лѣтомъ въ крѣпкой, окованной желѣзомъ телѣжкѣ, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ ѣздить попы. Садъ у тетки славился своей запущенностью, соловьями, горlinkками и яблоками, а домъ—крышей. Стоялъ онъ во главѣ двора, у самаго сада,—вѣтви липъ обнимали его,—былъ невеликъ и приземистъ, но казалось, что ему и вѣку не будетъ,—такъ основательно глядѣлъ онъ изъ-подъ своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши, почернѣвшей и затвердѣвшей отъ времени. Мнѣ его передній фасадъ представлялся всегда живымъ: точно старое лицо глядитъ изъ-подъ огромной шапки впадинами глазъ,—окнами съ перламутровыми отъ дождей и солнца стеклами. А по бокамъ этихъ глазъ были крыльца,—два старыхъ большихъ крыльца съ колоннами. На фронтонѣ ихъ всегда сидѣли сытые голуби, между тѣмъ какъ тысячи воробьевъ дождемъ пересыпались съ крыши на крышу... И уютно чувствовалъ себя гость въ этомъ гнѣздѣ, на тихомъ, кругломъ дворѣ, подъ бирюзовымъ осеннимъ небомъ!

Войдешь въ домъ и прежде всего услышишь запахъ яблокъ, а потомъ уже другіе: старой мебели краснаго дерева, сушеннаго липоваго цвѣта, который съ іюня лежитъ на окнахъ... Во всѣхъ комнатахъ,—въ лакейской, въ залѣ, въ гостиной,—прохладно и сумрачно: это оттого, что домъ окруженъ садомъ, а верхнія стекла оконъ цвѣтныя: синія и лиловыя. Всюду — тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы съ инкрустаціями и зеркала въ узенькихъ и витыхъ золотыхъ рамахъ никогда не трогались съ мѣста. И вотъ слышится покашливаніе: выходитъ тетка. Она небольшая, но тоже, какъ и все кругомъ, прочная. На плечахъ у нея накинута большая персидская шаль. Выйдетъ она важно, но привѣтливо, и сейчасъ же, подъ безконечные разговоры про старину, про наслѣдства, начинаютъ появляться угощенія: сперва „дули“, яблоки,—антоновскія, „бель-барыня“, боровинка, „плодовитка“, — а потомъ удивительный обѣдъ: вся насквозь розовая вареная ветчина съ горошкомъ, щи, фар-

шированная курица, индюшка, маринады и красный квасъ,— крѣпкій и сладкій-пресладкій... Окна въ садѣ подняты, и отуда вѣтъ бодрой осенней прохладой...

III

За послѣдніе годы одно поддерживало угасающій духъ помѣщиковъ—охота.

Лѣтъ двадцать тому назадъ такія усадьбы, какъ усадьба Анны Герасимовны, были еще не рѣдкость. Были и разрушающіяся, но все еще жившія на широкую ногу, усадьбы съ огромнымъ помѣстьемъ, съ садомъ въ двадцать десятинъ. Правда, сохранились нѣкоторыя изъ такихъ еще и до сего времени, но въ нихъ уже нѣтъ жизни... нѣтъ троекъ, нѣтъ верховыхъ „киргизовъ“, нѣтъ гончихъ и борзыхъ собакъ, нѣтъ дворни и нѣтъ самого обладателя всего этого—помѣщика-охотника, въ родѣ моего покойнаго шурина Арсенія Семеныча Климентьева.

Къ теткѣ я ѣздилъ до самой глубокой осени, до поры, когда прекращалась охота съ борзыми. Но мои поѣздки имѣли всегда главной цѣлью усадьбу Арсенія Семеныча, старое гнѣздо Анны Герасимовны было только перепутьемъ.

Съ конца сентября сады и гумна пустѣли. Погода, по обыкновенію, круто измѣнялась и дѣлала меня на время затворникомъ. Вѣтеръ по цѣлымъ днямъ рвалъ и трепалъ деревья, дожди поливали ихъ съ утра до ночи. Иногда къ вечеру между хмурыми низкими тучами пробивался на западѣ трепещущій золотистый свѣтъ низкаго солнца; воздухъ дѣлался чистъ и ясенъ, а солнечный свѣтъ ослѣпительно сверкалъ между листвою, между вѣтвями, которыя живою сѣткою двигались и волновались отъ вѣтра. Но зато становилось еще холоднѣе не только на дворѣ, но, казалось, даже и въ домѣ съ еще лѣтними рамами и съ раскрытымъ балкономъ. Холодно и ярко сіяло на сѣверѣ надъ тяжелыми свинцовыми тучами жидкое голубое небо, а изъ-за этихъ

тучъ медленно выплывали хребты снѣговыхъ горъ-облаковъ. Стоишь у окна и думаешь: „Авось, Богъ дастъ, распогодится“. Но вѣтеръ не унимался. Онъ волновалъ садъ, рвалъ непрерывно бѣгущую изъ трубы людской струю дыма и снова нагонялъ зловѣщія космы пепельныхъ облаковъ. Они бѣжали низко и быстро—и скоро, точно дымъ, затуманивали солнце. Погасалъ его блескъ, закрывалось окошечко въ голубое небо, а въ саду становилось пустынно и скучно, и снова начиналъ сѣять дождь... сперва тихо, осторожно, потомъ все гуще и наконецъ превращался въ ливень съ бурей и темнотою. Наступала долгая тревожная ночь...

Изъ такой трепки садъ выходилъ почти совсѣмъ обнаженнымъ, поломаннымъ, засыпаннымъ мокрыми листьями и какимъ-то притихшимъ, смирившимся. Но зато какъ красивъ онъ былъ, когда снова наступала ясная погода, прозрачные и холодные дни начала октября, прощальный праздникъ осени! Сохранившаяся листва теперь будетъ висѣть на деревьяхъ уже до первыхъ зазимковъ. Черный садъ будетъ сквозить на холодномъ небѣ и покорно ждать зимы, пригрѣваясь послѣ полудня въ солнечномъ блескѣ. А поля уже рѣзко чернѣютъ пашнями и ярко зеленѣютъ закустившимися озимями... Пора на охоту!

И вотъ я вижу себя въ усадьбѣ Арсенія Семеныча, въ большомъ домѣ, въ залѣ, полной солнца и дыма отъ трубокъ и папирсовъ. Народу много,—все люди загорѣлые, съ обвѣтренными лицами, въ поддевахъ и длинныхъ сапогахъ. Только что очень сытно пообѣдали, раскраснѣлись и возбуждены шумными разговорами о предстоящей охотѣ, но не забываютъ допивать водку и послѣ обѣда. А на дворѣ трубятъ рогъ и завываютъ на разные голоса собаки. Черный борзой, любимецъ Арсенія Семеныча, пользуясь суматохой, взлѣзаетъ среди гостей на столъ и начинаетъ пожирать съ блюда остатки зайца подъ соусомъ. Но вдругъ онъ испускаетъ страшный визгъ и, опрокидывая тарелки и рюмки, срывается со стола: Арсеній Семенычъ, вышедшій изъ кабинета съ арапникомъ и револьверомъ, внезапно оглушаетъ

залу выстрѣломъ. Заль еще болѣе наполняется дымомъ, а Арсеній Семенычъ стоитъ и смѣется.

— Жалко, что промахнулся! — говоритъ онъ, играя глазами.

Онъ высокъ ростомъ, худощавъ, но широкоплечъ и строенъ, а лицомъ — красавецъ-цыганъ. Глаза у него блестятъ дико, онъ очень ловокъ, въ шелковой малиновой рубашкѣ, въ бархатныхъ шароварахъ и длинныхъ сапогахъ. Напугавъ и собаку, и гостей выстрѣломъ, онъ полушутя декламируетъ баритономъ:

Пора, пора сѣдлать проворнаго донца
И звонкій рогъ за плечи перекинуть—

и громко говоритъ:

— Ну, однако, нечего терять золотое время!

Я сейчасъ еще чувствую, какъ жадно и емко дышала молодая грудь холодомъ яснаго и сырого дня подъ вечеръ, когда, бывало, ѣдешь съ ватагой Арсенія Семеныча, возбужденный музыкальнымъ гамомъ собакъ, брошенныхъ въ чернолѣсье, въ какой-нибудь Красный Бугоръ или Гремячій Островъ, уже однимъ своимъ названіемъ волнующій охотника. Ѣдешь на зломъ, сильномъ и приземистомъ „киргизѣ“, крѣпко сдерживая его поводьями, и чувствуешь себя слитнымъ съ нимъ воедино. Онъ фыркаетъ, просится на рысь, шумно шуршитъ копытами по глубокимъ и легкимъ коврамъ черной осыпавшейся листвы, и каждый звукъ гулко раздается въ пустомъ, сыромъ и свѣжемъ лѣсу. Тявкнула гдѣ-то вдаль собака, ей страстно и жалобно отвѣтила другая, третья — и вдругъ весь лѣсъ загремѣлъ, точно онъ весь стеклянный, отъ бурнаго лая и крика. Крѣпко грянулъ среди этого гама выстрѣлъ и все „заварилось“ и покатилося куда-то вдаль.

— Береги-и! — завопилъ кто-то отчаяннымъ голосомъ на весь лѣсъ.

„А, береги!“ — мелькнетъ въ головѣ опьяняющая мысль. Гикнешь на лошадь и, какъ сорвавшійся съ цѣпи, помчишься по лѣсу, уже ничего не разбирая по пути. Только деревья

мелькаютъ передъ глазами, да лѣпится въ лицо грязью изъ-подъ копытъ лошади. Выскочишь изъ лѣсу, увидишь на зеленяхъ пеструю, растянувшуюся по землѣ стаю собакъ и еще сильнѣе надашь киргиза наперерѣзъ звѣрю, — по зеленямъ, взметамъ и жнивьямъ, пока, наконецъ, не переваляешься въ другой островъ и не скроется изъ глазъ стая вмѣстѣ со своимъ бѣшенымъ лаемъ и стономъ. Тогда, весь мокрый и дрожащій отъ напряженія, осадить вспѣнную хрипящую лошадь и жадно глотаешь ледяную сырость лѣсной долины. Вдали замираютъ крики охотниковъ и лай собакъ, а вокругъ тебя — мертвая тишина. Полуоткрытый строевой лѣсъ стоитъ неподвижно, и кажется, что ты попалъ въ какіе-то заповѣдные чертоги, въ безконечныя амфилады сказочныхъ покоевъ и колоннъ. Крѣпко пахнетъ отъ овраговъ грибную сыростью, перегнившими листьями и мокрою древесною корою. И сырость изъ овраговъ становится все ощутительнѣе, въ лѣсу холоднѣетъ и темнѣетъ, становится жутко... Пора на ночевку. Но собрать собакъ послѣ охоты трудно. Долго и безнадежно-тоскливо звенятъ рога въ лѣсу, долго слышатся крикъ, брань и визгъ собакъ... Наконецъ, уже совсѣмъ въ темнотѣ, крупнымъ шагомъ вваливается ватага охотниковъ въ усадьбу какого-нибудь почти незнакомаго холостяка-помѣщика и наполняетъ шумомъ весь дворъ усадьбы, которая озаряется фонарями, свѣчами и лампами, вынесенными навстрѣчу гостямъ изъ дома...

Случалось, что у такого гостепримнаго сосѣда охота жила по нѣсколькимъ днямъ. На ранней утренней зарѣ, по ледяному вѣтру и первому мокрому зазимку, уѣзжали въ лѣса и поле, а къ сумеркамъ опять возвращались, всѣ въ грязи, съ раскраснѣвшими лицами, пропахнувъ лошадинымъ потомъ, шерстью затравленнаго звѣря, — и начиналась попойка. Въ свѣтломъ и людномъ домѣ очень тепло послѣ цѣлаго дня на холодѣ въ полѣ. Всѣ ходятъ изъ комнаты въ комнату въ разстегнутыхъ поддевахъ, беспорядочно пьютъ и ѣдятъ, шумно передавая другъ другу свои впечатлѣнія надъ убитымъ матерымъ волкомъ, который, оскаливъ зубы, зака-

тивъ глаза, лежитъ съ откинутымъ на-сторону пушистымъ хвостомъ среди зала и окрашиваетъ своей блѣдной кровью полъ. Послѣ водки и ѣды чувствуешь такую усталость, такую нѣгу молодого сна, что какъ черезъ воду слышишь говоръ. Обвѣтренное лицо горитъ, а закроешь глаза — вся земля такъ и поплыветъ подъ ногами. А когда ляжешь въ постель, въ мягкую перину, гдѣ-нибудь въ угловой старинной комнатѣ съ образничкой и лампадкой, замелькаютъ передъ глазами призраки огнисто-пестрыхъ собакъ, во всемъ тѣлѣ заноеетъ ощущение скачки, и не замѣтишь, какъ потонешь вмѣстѣ со всѣми этими образами и ощущеніями въ сладкомъ и здоровомъ снѣ, забывъ даже, что эта комната была когда-то молельной старика, имя котораго окружено крѣпостными легендами, и что онъ умеръ въ этой молельной,— вѣроятно, на этой же кровати.

Когда случалось проспать охоту, отдыхъ былъ особенно пріятенъ. Проснешься и долго лежишь въ постели. Во всемъ домѣ тишина. Слышно, какъ осторожно ходитъ по комнатамъ садовникъ, растапывая печи, какъ дрова трещать и стрѣляютъ. Впереді—цѣлый день покоя въ безмолвной уже по-зимнему усадьбѣ. Не спѣша одѣнешься, побродишь по саду, найдешь въ мокрой листвѣ случайно забытое холодное и мокрое яблоко, и почему-то оно покажется необыкновенно вкуснымъ, совсемъ не такимъ, какъ другія. Потомъ примешься за книги,—дѣдовскія книги, въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ съ сафьяномъ и золотыми звѣздочками на корешкахъ. Славно пахнутъ эти, похожія на церковныя требники, книги своей пожелтѣвшей, толстой и шершавой бумагой! Какой-то пріятно-кисловатой плѣсенью, старинными духами... Хороши и замѣтки на ихъ поляхъ, крупно и съ круглыми мягкими росчерками сдѣланныя гусинымъ перомъ. Развернешь книгу и читаешь: „Мысль, дсотойная древнихъ и новыхъ философовъ, цвѣтъ разума и чувства сердечнаго“. И невольно увлечешься и самой книгой... Это — „Дворянинъ-философъ“, аллегорія, изданная лѣтъ сто тому назадъ иждивеніемъ какого-то „кавалера многихъ орденовъ“ и напеча-

танная въ „типографіи приказа общественнаго призрѣнія“,— разсказъ о томъ, какъ „дворянинъ-философъ, имѣя время и способность разсуждать, къ чему разумъ челоуѣка возноситься можетъ, получилъ нѣкогда желаніе сочинить планъ свѣта на пространномъ мѣстѣ своего селенія“. Потомъ наткнешься на „сатирическія и философскія сочиненія господина Вольтера“ и долго упиваешься милымъ и манернымъ слогомъ перевода: „Государи мои! Эразмъ сочинилъ въ шестонадесяти столѣтіи похвалу дурачеству (манерная пауза, — точка съ запятою); вы же приказываете мнѣ превознести предъ вами разумъ...“ Потомъ отъ екатерининской старины перейдешь къ романтическимъ временамъ, къ альманахамъ, къ сантиментально напыщеннымъ и длиннымъ романамъ... Кукушка выскакиваетъ изъ часовъ и насмѣшливо-грустно кукуетъ надъ тобою въ пустомъ домѣ. И понемногу въ сердце начинается закрадываться сладкая и странная тоска...

Вотъ „Тайны Алексиса“, вотъ „Викторъ или дитя въ лѣсу“. „Бьетъ полночь!—читаешь съ улыбкой. — Священная тишина заступаетъ мѣсто дневного шума и веселыхъ пѣсенъ поселянъ. Сонъ простираетъ мрачныя крылья свои надъ поверхностью нашего полушарія; онъ стрясаетъ съ нихъ мракъ и мечты... Мечты!.. Какъ часто продолжаютъ онѣ токмо страданія злощастнаго!..“ И замелькаютъ передъ глазами любимыя старинныя слова: скалы и дубравы, блѣдная луна и одиночество, привидѣнія и призраки, „ероты“, розы и лиліи, „проказы и рѣзвости молодыхъ шалуновъ“, лилейная рука, Людмилы и Алины... А вотъ журналы съ именами Жуковскаго, Батюшкова, лицеиста Пушкина. И съ грустью вспомнишь бабушку, ея полонезы и гроссъ-фатеръ на клавикордахъ, ея томное чтеніе стиховъ изъ „Евгенія Онѣгина“. И старинная мечтательная жизнь встанетъ передъ тобою, какъ живая... Хорошія дѣвушки и женщины жили когда-то въ дворянскихъ усадьбахъ! Ихъ портреты глядятъ на меня со стѣны, аристократически-красивыя головки въ старинныхъ прическахъ кротко и женственно опускаютъ свои длинныя рѣсницы на печальные и нѣжныя глаза...

IV

Запахъ антоновскихъ яблокъ исчезаетъ изъ помѣщичьихъ усадебъ. Эти дни были такъ недавно, а межъ тѣмъ мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ прошло чуть не цѣлое столѣтіе. Перемерли старики въ Выселкахъ, умерла Анна Герасимовна, застрѣлился Арсеній Семенычъ... И вотъ я уже пишу имъ эпитафіи.

Я надолго покинулъ родныя „палестины“, какъ любятъ говорить у насъ, а когда недавно заглянулъ въ нихъ, невелико встрѣтили меня онѣ. Старыя книги, старыя портреты, разорванные и никому ненужные, затерялись по городамъ, по мѣщанскимъ хуторкамъ, — по ястребинымъ гнѣздамъ новыхъ помѣщиковъ, гнѣздамъ, на которыя раздробились прежнія помѣстья. На весь нашъ уѣздъ приходится теперь тричетыре состоятельныхъ дворянина, но и они живутъ въ деревнѣ уже новою жизнью, чаще всего только лѣтомъ. Наступаетъ царство мелкопомѣстныхъ, обѣднѣвшихъ до нищенства, и чахнувшихъ сѣрыхъ деревушекъ. Идетъ ноябрь, глухая пора деревенской жизни...

Скверное было утро, когда я вышелъ изъ вагона на нашемъ полустанкѣ, затерянномъ среди полей. И поля послѣ долгой городской жизни показались мнѣ мучительно убогими и скучными, когда мужикъ подъ дождемъ потащилъ меня на телѣгѣ къ старой нашей усадьбѣ... Деревушки надъ лощинами кажутся издали кучами навоза. Въ лѣсу,—голомъ, мокромъ и черномъ, — синеватый туманъ и шумитъ сырой вѣтеръ, а на проселочной дорогѣ пустынно, какъ въ киргизской степи...

Однако, первымъ впечатлѣніемъ не слѣдуетъ довѣрять. Проходитъ два-три дня, погода мѣняется, становится свѣжѣе, и деревня начинаетъ казаться иною. Начинаешь улавливать связь между прежней жизнью и теперешней, и то, что вспомнилось мнѣ при запахѣ антоновскихъ яблокъ, — здоровье, простота и домовитость деревенской жизни, — снова проступаетъ

и въ новыхъ впечатлѣніяхъ. Прошло почти пятнадцать лѣтъ, многое измѣнилось кругомъ, но я опять чувствую себя дома почти такъ же, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ: по-юношески грустно, по-юношески бодро. И мнѣ хорошо среди этой сиротѣющей и смиряющейся деревенской жизни.

Дни стоятъ синеватые, пасмурные. Утромъ я сажусь въ сѣдло и съ одной собакой, съ ружьемъ и съ рогомъ уѣзжаю въ поле. Вѣтеръ звонитъ и гудитъ въ дуло ружья, вѣтеръ крѣпко дуетъ навстрѣчу, иногда съ сухимъ снѣгомъ. Цѣлый день я скитаюсь по пустымъ равнинамъ... Голодный и прозябшій, возвращаюсь я къ сумеркамъ въ усадьбу, и на душѣ становится такъ тепло и отраднo, когда замелькаютъ огоньки Выселокъ и потянетъ изъ усадьбы запахомъ дыма, жилища. Помню, у насъ въ домѣ любили въ эту пору „сумерничать“, не зажигать огня и вести въ полутемнотѣ бесѣды. Войдя въ домъ, я нахожу зимнія рамы уже вставленными, и это еще болѣе настраиваетъ меня на мирный зимній ладъ. Въ лакейской работникъ топить печку, и я, какъ въ дѣтствѣ, сажусь на корточки около вороха соломы, рѣзко пахнущей зимней свѣжестью, и гляжу то въ пылающую печку, то на окна, за которыми, синѣя, грустно умираютъ сумерки. Потомъ иду въ людскую. Тамъ свѣтло и людно: дѣвки рубятъ капусту, мелькаютъ сѣчки, я слушаю ихъ дробный дружный стукъ и дружные, печально-веселыя деревенскія пѣсни... Иногда вечеромъ заѣдетъ какой-нибудь мелкопомѣстный сосѣдъ и надолго увезетъ меня къ себѣ... Хороша и мелкопомѣстная жизнь!

Хуторяне осенью чувствуютъ себя вообще недурно, особенно, ежели годъ неурожайный и банкъ отсрочить уплату процентовъ. Хуторянинъ любитъ осень, потому что осенью есть хоть какая-нибудь охота, любитъ длинные вечера, долгую темную ночь въ теплое и уютное кабинетѣ. Встаетъ онъ рано. Крѣпко потянувшись на лежанкѣ, отчего со стукомъ падаетъ на полъ кирпичъ съ ея угла („давно, давно пора вмазать этотъ кирпичъ, да все не соберешься!“), онъ идетъ къ столу и, подымая брови и хмурясь, крутитъ толстую папиросу изъ дешеваго, черного табаку или просто изъ ма-

жорки. Блѣдный свѣтъ раннего ноябрьскаго утра озаряетъ простой, съ голыми стѣнами кабинетъ, желтыя заскорузлыя шкурки лисицъ надъ кроватью и коренастую фигуру въ шароварахъ и распоясанной косовороткѣ, а въ зеркалѣ отражается заспанное лицо татарскаго склада. За дверью въ коридорѣ похрапываетъ старая кухарка, жившая въ господскомъ домѣ еще дѣвчонкою. Это, однако, не мѣшаетъ барину хрипло крикнуть на весь домъ:

— Лукерья! Самоваръ!

Потомъ, надѣвъ сапоги, накинувъ на плечи поддевку и не застегивая ворота рубахи, баринъ выходитъ на крыльцо. Въ запертыхъ сѣняхъ пахнетъ псиной; лѣниво потягиваясь, съ визгомъ зѣвая и улыбаясь, окружаютъ его гончія.

— Отрыжь! — медленно, снисходительнымъ басомъ говорить баринъ и черезъ садъ идетъ на гумно. Грудь его широко дышитъ рѣзкимъ воздухомъ зари и запахомъ озябшаго за ночь, обнаженнаго сада. Свернувшіеся и почернѣвшіе отъ мороза листья шуршатъ подъ сапогами въ березовой аллеѣ, вырубленной уже наполовину. Вырисовываясь на низкомъ сумрачномъ небѣ, спятъ нахохленные галки на гребнѣ риги... Славный будетъ день для охоты! И, остановившись среди аллеи, баринъ долго глядитъ въ осеннее поле, на пустынные озими, по которымъ вдалекѣ бродятъ телята. Двѣ гончія суки повизгиваютъ около его ногъ, а Заливай уже за садомъ: перепрыгивая по колкимъ жнивьямъ, онъ будто зоветъ и просится въ поле. Но что сдѣлаешь теперь съ гончими? Звѣрь теперь въ полѣ, на взметахъ, на чернотропѣ, а въ лѣсу онъ боится, потому что въ лѣсу вѣтеръ шуршитъ листвою... Эхъ, кабы борзья!

Въ ригѣ начинается молотъба. Медленно расходясь, гудитъ барабанъ молотилки. Лѣниво натягивая постромки, упираясь ногами по навозному кругу и качаясь, идутъ лошади въ приводѣ. Посреди привода, вращаясь на скамеечкѣ, сидитъ погонщикъ и однотонно покрикиваетъ на нихъ, всегда хлестая кнутомъ только одного бураго мерина, который лѣнивѣе всѣхъ и совсѣмъ спитъ на ходу, благо глаза у него завязаны

— Ну, ну, дѣвки, дѣвки! — строго кричитъ степенный подавальщикъ, облачаясь въ широкую холщевую рубаху.

Дѣвки торопливо разметають токъ, бѣгаютъ съ носилками, метлами.

— Съ Богомъ! — говоритъ подавальщикъ, и первый пукъ старновки, пущенный на пробу, съ жужжаньемъ и визгомъ пролетаетъ въ барабанъ и растрепанный вѣеромъ возносится изъ-подъ него кверху. А барабанъ гудитъ все настойчивѣе, работа закипаетъ, и скоро всѣ звуки сливаются въ общій пріятный шумъ молотъбы. Баринъ стоитъ у воротъ риги и смотритъ, какъ въ ея темнотѣ мелькають красные и желтые платки, руки, грабли, солома, и все это мѣрно двигается и суетится подъ гулъ барабана и однообразный крикъ и свистъ погонщика. Хоботъ облаками летитъ къ воротамъ. Баринъ стоитъ, весь посѣрѣвшій отъ него. Часто онъ поглядываетъ въ поле, вспоминаетъ охоты, молодость, свое разоренье... Скоро-скоро заблѣютъ поля, скоро покроетъ ихъ зазимокъ.

Зазимокъ, первый снѣгъ! Борзыхъ нѣтъ, охотиться осенью не съ чѣмъ; но наступаетъ зима, начинается „работа“ съ гончими. И вотъ опять, какъ въ прежнія времена, сѣзжаются мелкопомѣстные другъ къ другу, пьютъ на послѣднія деньги, по цѣлымъ днямъ пропадаютъ въ снѣжныхъ поляхъ. А вечеромъ на какомъ-нибудь глухомъ хуторѣ далеко свѣтятся въ темнотѣ зимней ночи окна флигеля. Тамъ, въ этомъ маленькомъ флигелѣ, плаваютъ клубы дыма, тускло горятъ сальныя свѣчи, настраивается гитара.

На сумерки буюнъ вѣтеръ загулялъ,
Широки мои ворота растворялъ...—

начинаетъ кто-нибудь груднымъ теноромъ. И прочіе нескладно прикидываясь, что они шутятъ, подхватываютъ—съ грустной безнадежной удалью:

Широки мои ворота растворялъ,
Бѣлымъ снѣгомъ путь-дорогу заметалъ...

Р У Д А

За крайней избой нашей степной деревушки пропадала во ржи наша прежняя дорога къ городу. И у дороги, въ хлѣбахъ, при началѣ уходившаго къ горизонту моря колосьевъ, стояла бѣлоствольная и развѣсистая, плакучая береза. Глубокія колеи дороги зарастали травой съ желтыми и бѣлыми цвѣтами, береза была искривлена степнымъ вѣтромъ, а подъ ея легкой, сквозной сѣнью уже давнымъ-давно возвышался ветхій, сѣрый голубецъ,—крестъ съ треугольной тесовой кровелькой, подъ которой хранилась отъ непогоды суздальская икона Божіей Матери—покровительницы полей.

Шелковисто-зеленое, бѣлоствольное дерево въ золотыхъ хлѣбахъ! Впрочемъ, въ дѣтствѣ намъ все казалось хорошо. Тогда и хлѣба были гуще, и лѣто жарче, и небо синѣе, и зимы морознѣе, и деревня веселѣе и богаче... Когда-то давно тотъ, кто первый пришелъ на это мѣсто, поставилъ на своей десятинѣ крестъ съ кровелькой и освятилъ „Покровъ Пресвятыя Богородицы“. И съ тѣхъ поръ старая икона дни и ночи охраняла старую степную дорогу, незримо простирая свое благословеніе на трудовое крестьянское счастье. Въ дѣтствѣ мы чувствовали страхъ къ сѣрому кресту, никогда не рѣшались заглянуть подъ его кровельку,—однѣ ласточки смѣли залетать туда и даже вить тамъ гнѣзда. Но и благоговѣніе чувствовали мы къ нему, потому что слышали, какъ наши матери шептали въ темныя осеннія ночи:

— Пресвятая Богородица, защити насъ Покровомъ Твоимъ!

Осень приходила къ намъ свѣтлая и тихая,—она воцарялась въ степи такъ мирно и спокойно, что, казалось, конца не будетъ яснымъ днямъ. Она дѣлала дали нѣжно-голубыми и глубокими, небо—чистымъ и кроткимъ. Тогда можно было различить самый отдаленный курганъ въ степи, на открытой и просторной равнинѣ желтаго жнивья. Осень убирала и березу въ золотой уборъ. А береза радовалась и не замѣчала, какъ недолговѣченъ этотъ уборъ, какъ листокъ за листкомъ осыпается онъ, пока, наконецъ, не оставалась вся раздѣтая на его золотистомъ коврѣ. Очарованная осенью, она была счастлива и покорна, и вся сіяла, озаренная изъ-подъ низу желтымъ отсвѣтомъ сухихъ листьевъ. А радужныя паутинки тихо летали возлѣ нея въ блескѣ солнца, тихо садились на сухое, колкое жнивье... И народъ называлъ ихъ красиво и нѣжно—«пряжей Богородицы».

Зато жутки были дни и ночи, когда осень сбрасывала съ себя кроткую личину. Безпощадно трепалъ тогда вѣтеръ обнаженныя вѣтви березы! Избы стояли нахохлившись, какъ куры въ непогоду, туманъ въ сумерки низко бѣжалъ по голымъ равнинамъ, волчьи глаза свѣтились ночью на задворкахъ. Нечистая сила часто скидывается этими глазами, и было бы страшно въ такія ночи, если бы за околицей деревни не было стараго голубца. А съ начала ноября и до апрѣля бури неустанно заносили снѣгами и поля, и деревню, и березу по самый голубецъ. Бывало, выглянешь изъ сѣней въ поле, а жесткая вьюга свиститъ подъ голубцомъ, дымится по острымъ сугробамъ и со стономъ проносится по равнинѣ, замая на бѣгу слѣды по ухабистой дорогѣ. Заблудившійся путникъ съ надеждой крестился въ такую пору, завидѣвъ въ дыму мятели торчавшій изъ сугробовъ крестъ, зная, что здѣсь бодрствуетъ надъ дикой снѣжной пустыней сама Царица Небесная, что охраняетъ Она свою деревню, свое мертвое до поры до времени поле.

Поле долго было мертвымъ, но степные люди были прежде выносливы. И вотъ, наконецъ, крестъ начиналъ выростать изъ осѣдающихъ сѣрыхъ снѣговъ. Обтаивала и

горбатая унавоженная дорога, наступали теплые и густые мартовскіе туманы. Отъ тумановъ и дождей чернѣли и дымилась въ сумрачные дни крыши избъ, а собаки по сугробамъ залѣзали на нихъ, такъ какъ улица превращалась въ сплошную лужу. Потомъ туманы сразу смѣнялись солнечными днями. И все снѣжное поле насыщалось водою, растоплялось и, растопленное, ярко блестяло подъ солнцемъ, дрожа безчисленными ручьями. Въ одинъ-два дня степь принимала новый видъ: по-весеннему темнѣли равнины, окаймленныя блѣдно-синеватой далью. Выпускали шершавый скотъ изъ хлѣбовъ; обезсилѣвшія за зиму лошади и коровы бродили и лежали на выгонѣ, а галки садились на ихъ худыя спины и дергали клювами шерсть для своихъ гнѣздъ. Но дружная весна къ хорошимъ кормамъ,—скотъ отгуляется по теплымъ росамъ! Уже пѣли жаворонки въ ясные полдни, уже мальчишки-пастухи загорали отъ вѣтровъ и солнца, которые просушивали землю. Когда же обмывалъ ее весенній дождь и пробуждалъ первый громъ, Господь благословлялъ въ тихія звѣздныя ночи расти хлѣбамъ и травамъ, и, успокоенная за свои нивы, кротко глядѣла изъ голубца старая икона. Тонко пахло въ чистомъ ночномъ воздухѣ зелеными, мирно было въ степи, тихо въ темной деревнѣ, гдѣ уже не вздували огня съ Благовѣщенья, и замирали по вечерней зарѣ пѣсни дѣвушекъ, прощавшихся со своими обрученными подругами.

А потомъ все мѣнялось не по днямъ, а по часамъ. Зеленѣлъ выгонъ, зеленѣли ветлы передъ избами, зеленѣла береза... Шли дожди, протекали жаркіе іюньскіе дни, зацвѣтали цвѣты, наступали веселые сѣнокосы... Что иное можно сказать о степной деревушкѣ? Люди родились, вырастали, женились, уходили въ солдаты, работали, пировали праздники... Главное же мѣсто въ ихъ жизни все-таки занимала степь—ея смерть и возрожденіе. Пустѣла и покрывалась снѣгами степь—и деревня болѣе полугода жила въ забытіи; тогда не мало умирало народа отъ холода, голода и черныхъ избъ, не мало замерзало въ мятель. Наступала

весна, наступала и работа, скрашенная веселыми днями... Или они только снились намъ въ дѣтствѣ? Помню, какъ мягко и беззаботно шумѣлъ лѣтній вѣтеръ въ шелковистой листвѣ березы, путая эту листву и склоняя до самыхъ колосевъ тонкія, гибкія вѣтки; помню солнечное утро на Троицу, когда даже бородатые мужики, какъ истые потомки русичей, улыбались изъ-подъ огромныхъ березовыхъ вѣнковъ; помню грубыя, но могучія пѣсни на Духовъ день, когда мы съ закатомъ уходили въ ближній дубовый лѣсокъ и тамъ варили кашу, разставляли ее въ черепкахъ по холмикамъ и „молили кукушку“ быть милостивою вѣщуньей; помню «игры солнца» подъ Петровъ день, помню величальныя пѣсни и шумныя свадьбы, помню трогательныя молебны передъ кроткой Заступницей всѣхъ скорбящихъ—въ полѣ, подъ открытымъ небомъ...

Жизнь не стоитъ на мѣстѣ,—старое уходитъ, и мы прощаемъ его часто съ великой грустью. Да, но не тѣмъ ли и хороша жизнь, что она пребываетъ въ неустанномъ обновленіи? Дѣтство миновало. Потянуло насъ заглянуть дальше того, что мы видѣли за околицей деревни, тѣмъ сильнѣе потянуло, что и деревня становилась все скучнѣе, и береза уже не такъ густо зеленѣла весной, и крестъ у дороги ветшалъ, и люди истощили поле, которое охранялъ онъ. И такъ какъ бѣда никогда не ходитъ одна, то и самое небо, казалось, стало гнѣваться на людей. Знойные и сухіе вѣтры разгоняли тучи, подымая вихри по дорогѣ, солнце нещадно палило хлѣба и травы. Подсыхали до срока тощіе ржи и овсы. Было больно смотрѣть на нихъ, потому что нѣтъ ничего печальнѣе и смиреннѣе тощей ржи. Какъ безпомощно склоняется она отъ горячаго вѣтра легкими, пустыми колосьями, какъ сиротливо шелеститъ въ знойный полдень! Сухая пашня сквозитъ между ея стеблями, видны среди нихъ сухіе васильки... И дикая серебристая лебеда, предвѣстница запустѣнія и голода, заступаетъ мѣсто тучныхъ хлѣбовъ у старой проселочной дороги. Нищіе и слѣпые все чаще стали съ жалобными припѣвами обходить деревню. А де-

ревня безмолвно стояла на припекѣ—равнодушная и печальная.

Тогда, точно въ горести, потемнѣлъ отъ пыльных вѣтровъ кроткій ликъ Богоматери. Проходили годы,—Она казалась безучастной къ судьбѣ своего поля. И люди стали забывать Ее. Еще нѣсколько лѣтъ потомились они въ степи и мало-по-малу стали уходить по дорогѣ къ городу. А вскорѣ прошелъ слухъ, что вотъ-вотъ „всѣхъ погонять на новыя мѣста“. И оставшіеся въ деревнѣ съ радостью ухватились за эту вѣсть. Они прожили зиму въ ожиданіяхъ, а весной собрали свой скудный скарбъ, забили досками окна избъ, запрягли лошадей и навсегда ушли изъ деревни на поиски новаго счастья. Про „новыя“ мѣста они знали одно,—что тамъ лѣсу и звѣрей много; но помощи было ждать неоткуда,—нужно было итти. И деревня опустѣла.

— Ни души!—сказалъ вѣтеръ, облетѣвъ всю деревню и закрутивъ въ безцѣльномъ удалствѣ пыль на дорогѣ.

Но береза не отвѣтила ему, какъ отвѣчала прежде. Она слабо зашевелила вѣтвями и опять задремала. Она знала, что выгонъ въ деревнѣ заросъ высокой сорной травой, что глухая крапива поднялась у пороговъ, что полынь серебрится на полураскрытыхъ крышахъ. Степь вокругъ была мертва, а десятокъ уцѣлѣвшихъ избъ можно было издалека принять за кибитки кочевниковъ, покинутыя въ полѣ послѣ битвы или чумы. И голубецъ уже покосился подъ березой, на верхушкѣ которой торчали сухіе бѣлые сучья. Теперь въ сумерки, когда за темными полями слабо алѣлъ закатъ, ночевали на ней только грачи да вороны, которые не мало видѣли перемѣнъ на этомъ свѣтѣ...

Вотъ новые люди стали появляться на степи. Все чаще приходятъ они по дорогѣ изъ города и располагаются станомъ у деревни. Ночью они жгутъ костры, разгоняя темноту, и тѣни далеко убѣгаютъ отъ нихъ по дорогамъ. Съ разсвѣтомъ они выходятъ въ поле и длинными буравами сверлятъ землю. Вся окрестность чернѣетъ кучами, точно могильными холмами. Люди безъ сожалѣнія топчутъ рѣдкую рожь, еще

вырастающую кое-гдѣ безъ сѣва, и закидываютъ ее землю, потому что ищутъ они источниковъ новаго счастья,—ищутъ ихъ уже въ нѣдрахъ земли, гдѣ таятся талисманы будущаго...

— Руда! Скоро этотъ край закипитъ народомъ, задымитъ трубами заводовъ, проложитъ крѣпкіе желѣзные пути на мѣстѣ старой дороги и выстроитъ городъ на мѣстѣ дикой деревушки!

ВЕСНА

Въ Княжѣмъ праздникъ—весна.

По утрамъ долго держится липкая ржавая роса въ заросляхъ сада, на кустахъ смородины, на крапивѣ и бурьянѣ за сараями. Днемъ жарко, весело, въ голубомъ небѣ круглятся бѣлыя красивые облака. Припекаетъ облупившуюся желѣзную крышу дома, мохнатая бревенчатая стѣна его, черныя стекла оконъ. Въ слуховомъ окнѣ, противъ солнца, воркуютъ голуби. На сохнущемъ и разсыпающемся фундаментѣ, на сирени палисадника липнетъ много крупныхъ мухъ. Караковый жеребецъ князя стоитъ въ поварской противъ дома—въ длинной черной избѣ крѣпостныхъ временъ. Онъ беспокоится, не ѣсть овса, насыпаннаго въ лотокъ на лавкѣ. Просунувъ голову въ окно безъ рамы, онъ глядитъ на широкой зазеленѣвшій дворъ и жалобно-страстно ржетъ.

Князь понемногу приходитъ въ себя послѣ долгой зимы. И эту зиму запивалъ онъ—все отъ одиночества, какъ говорятъ всѣ; когда бывалъ трезвъ, ходилъ на охоту, игралъ въ карты у лавочника, сидѣлъ въ людской съ работниками, случалось и обѣдалъ съ ними, а не то читалъ въ своемъ тепломъ кабинетѣ и часовъ въ шесть ложился спать. Теперь онъ выходитъ изъ дому чаще, отдаетъ распоряженія. Безстрастно восточное лицо его съ большими сѣдѣющими усами.

Князь вспомнилъ, что пора чистить, подметать садъ: ужъ таковъ споконъ вѣку обычай въ Княжѣмъ. И приказываетъ

старостѣ пригнать дѣвокъ-поденщицъ. Дѣвки весь день поютъ, сгребая листву по аллеямъ, по дорожкамъ, ихъ красныя и желтыя сарафаны мелькаютъ въ полуголомъ, нѣжно зеленѣющемъ саду. А вскорѣ веселѣетъ и домъ: растворены двери на крыльцо, лѣзутъ въ домъ собаки, раскраснѣвшаяся баба съ подоткнутымъ подоломъ и колѣнками цвѣта моркови бьетъ ихъ мокрой ветошкой, бѣгаетъ, согнувшись, среди ведеръ съ горячей водой; въ рамахъ, съ трескомъ выдираемыхъ ею, сверкаютъ на солнцѣ стекла и зеркальными зайчиками озаряютъ потолки. Льетъ теплый, солнечный воздухъ въ комнаты, шумятъ воробьи на сирени возлѣ дома, замираетъ на горячемъ подоконникѣ первая бабочка... Князь, въ одной косовороткѣ, въ плисовыхъ вытертыхъ шароварахъ и дегтярныхъ сапогахъ, ходитъ съ работниками по оскѣ за сараемъ, выставляетъ изъ омшанника колодки, полныя сердито-пѣвучаго жужжанія.

Въ воскресенье на Фоминой, какъ опять-таки ведется споконъ вѣку, молятся въ полѣ, на озимяхъ. Молится все село, заказываетъ молебень и платитъ изъ своихъ скудныхъ средствъ—князь.

Ночь накануне холодная и лунная. Дѣвки-поденщицы долго не спать, сидятъ на крыльцѣ людской, вполголоса поютъ и оговариваютъ другъ друга: грѣхъ, завтра праздникъ большой. Онѣ живутъ въ саду, въ банѣ, но нынче баню топили—князь купается. Купается и кучеръ князя, Николай, въ той избѣ, гдѣ стоитъ жеребецъ: приносить туда два ведра, ставитъ на лавку зажженный огарокъ. Косится, шуршитъ мокрой соломой, накиданной на полу, упруго перебираетъ ногами обезпокоенный огнемъ жеребецъ, а Николай сидитъ на соломѣ и намыливаетъ голову...

Утро теплое, солнечное. Пріятно, когда звонятъ колокола въ такое утро, пріятно наряжаться подъ этотъ звонъ. Мягче кудрявятся бѣлыя облака надъ садомъ, млѣетъ яркая синева между ними, со двора видно, какъ въ поляхъ, надъ зелеными и лиловѣющими пашнями, бѣгутъ, струятся испаренія.

— Дождь будетъ, парить,—сказалъ староста, обходя съ

овечьими ножницами въ рукѣ поставленный возлѣ кухни продранный стулъ, на который покорно, заранѣе вытянувъ и согнувъ шею, покрытый по плечамъ полотенцемъ, сѣлъ Николай въ распоясанной рубахѣ.

Николай, пока подрубали на затылкѣ его сухіе рыжіе волосы, все глядѣлся въ зеленый осколокъ копеечнаго зеркала. Падаютъ желтые клоки на полотенце, голова Николая становится меньше, уши отстаютъ и торчатъ. Взявъ у старосты ножницы, онъ постригъ и усы: сталъ длиннѣй его лебединый конопатый носъ. Потомъ онъ нарядился: надѣлъ синюю атласную рубаху съ рукавчиками, со вздутыми рукавами, съ тремя крупными бѣлыми пуговицами на высокомъ воротѣ, отдѣланномъ каемкой кружевъ; подпоясался малиновымъ шелковымъ жгутомъ съ махрами; вбилъ ноги въ тѣсные сапоги съ лакированными узкими голенищами. Рубашка коротка, ноги Николая, обтянутыя кавалерійскими штанами, слишкомъ тонки, самъ онъ худъ и сутулъ, глаза у него маленькіе, зеленые, лицо лиловатое. Онъ неуклюжъ, не хорошъ, но дѣвки любятъ имъ: и наряденъ и на гармонь играетъ лучше всѣхъ.

Въ княжескомъ домѣ сумрачно. Теплый воздухъ, льющійся въ открытыя окна, не скоро нагрѣетъ его. Все промерзло за зиму, съ потолка въ залѣ огромнымъ животомъ виситъ отстающая, въ коричневыхъ подтекахъ, бумага. Морозы, время портятъ и зеркала.—сдѣлали ихъ молочно-серебристыми. Разставивъ ноги, глядя на мутное отраженіе своего морщинистаго лица, князь долго скоблилъ щеки тупой бритвой. Послѣ бритья лицо его странно помолодѣло: умывается князь рѣдко, бреется только передъ тѣмъ, какъ запитъ. Но изнулъ геморой, пора, пора бросать настаивать водку лимонными корками! Да и соли въ черныхъ усахъ все прибавляется, рѣдѣютъ волосы... Намочивъ и причесавъ ихъ, князь надѣлъ поверхъ пестренькой косоворотки новую синюю поддевку, надѣлъ дворянскій картузь и, съ ременнымъ кнутомъ въ рукѣ, вышелъ на крыльцо, возлѣ котораго сидѣлъ на бѣговыхъ дрожкахъ и держалъ жеребца Николай.

Обѣдня отошла, на колокольнѣ жидко и празднично звонятъ, разноцвѣтная толпа течетъ по выгону въ поле. Пять человѣкъ безъ шапокъ, въ новыхъ калошахъ и поддевахъ чернаго блестящаго сукна, низко подпоясанныхъ красными подпоясками, несутъ хоругви и крестъ, увитый бѣлымъ рушникомъ. Двѣ дѣвки, въ ярко-зеленыхъ платьяхъ,—икону Божіей Матери. Когда толпа была уже за дубовымъ кустарникомъ, въ потѣ, гдѣ дулъ теплый вѣтеръ и пѣли жаворонки, отъ церкви отъѣхала плетеная телѣжка, запряженная сѣрымъ мериномъ въ яблокахъ. Попъ въ Княжомъ чахоточный, ѣхалъ онъ въ толстой чуйкѣ, въ зимней шапкѣ, въ глубокихъ ботикахъ. На козлахъ сидѣло двое: правившій мериномъ дьячокъ и сынъ попа. Вася, спившійся съ кругу дурачокъ, вѣчно находившійся въ блаженно-радостномъ настроеніи. Онъ въ церкви подтягивалъ дьячку дискантомъ, службы зналъ лучше всего причта, но отецъ часто выгонялъ его изъ алтаря за нетрезвость, не хотѣлъ нынче брать съ собою. Однако, Вася, еще съ ранняго утра расчистивъ свои сбитые сапоги, надѣвъ продранный подъ мышкой пиджакъ, грязно-синій воротничокъ и розовый атласный галстукъ, такъ плакалъ, узнавъ, что его оставляютъ дома, что попъ сдался, князь обогналъ попа и кивнулъ ему.

— Съ праздникомъ, ваше сіятельство, съ молебствіемъ!— радостно всхлипнувъ, крикнулъ Вася, больше всего на свѣтѣ любившій праздники, дни ангела, поздравленія.

Попъ только покачалъ головою, поглядѣвъ на волосы Васи, густо лежавшіе по воротничку.

Съ правой стороны телѣжки, равняясь съ ходомъ лошади, не отставая и не забѣгая, шла старуха Марѳа, добровольная прислужница при церкви, высокая, сухая, съ орѣховой палкой въ одной рукѣ и мѣднымъ кофейникомъ, изъ котораго торчало кропило, въ другой. Дьячокъ иногда подгонялъ лошадь и, смѣясь, оглядывался на Марѳу. Она ускоряла шагъ, сердилась, но молчала.

Молились на клину богатаго мужика Данила. Тамъ, возлѣ дороги, на молодыхъ свѣтло-зеленыхъ всходахъ, приготовили

столь подъ суровой чистой скатертью, красную деревянную миску съ зерномъ и пукъ свѣчей въ хлопчатой бумагѣ. На югѣ-востокѣ, за сѣрымъ княжескимъ садомъ и прозрачно-лимонными лозинами села, облака, мягко синѣя, порою смазывались въ тучку. Поглядывая то на нихъ, то на приближающуюся телѣжку, выдвинувшись изъ пахнущей кумачомъ толпы, стоялъ самъ Данилъ, бѣлокуроый старикъ. Раскорячиваясь, далеко относя руку для крестнаго знаменія и кланяясь, онъ пошелъ навстрѣчу попу, — и мягкій вѣтерокъ, дувшій съ полей запахомъ сырой земли, шевелилъ его волосы, открывая розовую кожу черепа. Телѣжка остановилась, но попъ продолжалъ сидѣть въ ней, поджидая обогнавшего его и опять отставшаго князя.

Князь сдержалъ лошадь отъ волненія, охватившаго его въ полѣ. Озимы, свѣжо зеленѣя, шли въ одну сторону, дубовый кустарникъ—въ другую. Сухая коричневая листва висѣла кое-гдѣ на немъ, но и это говорило о веснѣ. Синѣли подснежники, пахло залежавшимся въ чащѣ снѣгомъ, весеннимъ холодомъ. Тройка чудесныхъ орѣховыхъ лошадей разукрашенныхъ дорогой сбруей, стояла на опушкѣ. Полулежа въ новомъ тарантасѣ, зубастый кудрявый кучеръ богатой сосѣдки ѣлъ съ ладони просфору. И князю вспомнилась молодость, другая, далекая весна...

Впереди медленно двигалась телѣга, въ которой лежалъ больной мужикъ, отецъ Николая. Малорослой лошадью неумѣло правила мать его, скорбная жилистая старуха въ черной паневѣ.

— Живъ?—кликнулъ князь.

Изъ телѣги, изъ соломы торчалъ острый восковой носъ подъ глубоко надвинутой шапкой. Больной въ просторномъ полушубкѣ лежалъ на спинѣ. Силясь улыбнуться, онъ съ трудомъ потянулся тонкой рукой къ шапкѣ. Николай поклонился родителямъ, какъ чужой. А безстрастные глаза князя стали какъ-будто еще безстрастнѣе.

Въ толпѣ его нетерпѣливо поджидали.

Марѳа давно стояла наготовѣ возлѣ стола. Обогнавъ те-

лѣжку, она подошла къ молодой беременной бабѣ Данила и передала ей свою орѣховую палку. Кофейникъ она поставила на столъ, бархатный лиловый требникъ, лежавшій на немъ, подвинула на край. Какъ только попъ занесъ ногу вонъ изъ телѣжки, скинувъ чуйку, Марѳа ловко подхватила ее и, подхватывая, чмокнула его холодную, дряблую и тяжелую руку. Попъ бодро прошелъ къ столу, поклонился той богатой барышнѣ, полной, косою и застѣнчивой дѣвушкѣ чья тройка стояла на опушкѣ дубняка. Онъ былъ выше всѣхъ, издали была видна его голова, поднятое землистое лицо, сквозная бородка и сѣрая шея. Нѣсколько разъ обернулся онъ, поджидая князя. Князь подѣхалъ. Тогда мелькомъ, но молитвенно глянувъ вверхъ, на высокія весеннія облака, онъ вздохнулъ, вынулъ изъ длиннаго разрѣза ватной рясы красный платокъ, вытеръ большой глянцевитый лобъ,—Марѳа уже подхватила его шапку,—надѣлъ потертую золотую ризу, надѣлъ золотые очки—и, ставъ строгимъ, зажегъ пучокъ свѣчей, праздничный дрожащій блескъ которыхъ сотнями точекъ отразился въ стеклахъ очковъ. Низко поклонившись князю, стоявшему возлѣ стола и твердо отставившему лѣвую ногу, онъ выправилъ жидкіе волосы изъ-за стоячаго ворота ризы, откинувъ голову, наполовину прикрывъ тусклые глаза воспаленными раковинами вѣкъ, и невнятнымъ, теряющимся въ теплою полевою воздухъ голосомъ началъ молебень... И князю опять стало грустно, стало жаль себя и радостно за эту вѣчно-юную землю, просящую небо снизойти на нее благодатною весенней влагой.

Онъ перемѣнилъ ноги, выставилъ впередъ правую, сдѣлалъ мутные глаза. Чтобы не думать, онъ сталъ слушать мирный, успокаивающій и молящій голосъ, порою сливавшийся въ пѣніи съ голосами дьячка и Васи.

Толпа кланялась, крѣпко прижимая пальцы ко лбамъ. Полная косая дѣвушка робко поглядывала на князя. Данилова баба, вся въ розовомъ, то бессмысленно пучила глаза и вытирала потѣющія руки носовымъ платкомъ, то начинала быстро, испуганно креститься. Въ ногахъ ея стоялъ маль-

чикъ въ плисовыхъ штанишкахъ и козловыхъ сапожкахъ, подъ мышку подпоясанный по голубенькой рубашечкѣ. Когда запѣли всѣмъ причтомъ, она, поспѣшно крестясь, надавила ему на голову лѣвой рукой, поставила его на колѣни. Затѣмъ съ трудомъ опустилась и сама, раскинувъ, по молодой зелени нижнюю бѣлую юбку съ кружевами и припадая къ ней лбомъ. Мальчикъ замолился неестественно набожно, косясь на сапоги князя.

Дулъ вѣтерокъ, шевелилъ волосы, шли легкія облака, шли по зеленымъ полямъ тѣни отъ нихъ, — далеко было видно въ прозрачномъ воздухѣ. Дрожали, бѣжали огоньки свѣчей, беззаботно-радостное пѣніе жаворонковъ не мѣшалось съ пѣніемъ причта, но какъ-то хорошо дополняло его... Даруй, Боже, землѣ радость новую, новые всходы, — говорили слова молитвъ, пропадающихъ въ теплое воздухѣ. — Благослови ее новой жизнью, да въ забвеніи истлѣетъ въ ней сѣмя старой, изъ коего и родится она, юная и чистая... Потомъ запѣли о воскресеніи Христа изъ мертвыхъ. Глаза князя налились слезами — и онъ уже ничего не видалъ передъ собою до конца молебна.

Когда онъ, склонивъ голову, поцѣловалъ холодный, пахнуцій мѣдью крестъ и мертвую руку священника, солнце зашло за сѣро-золотистое, темное внутри облако, и на югѣ обозначилась синяя тучка съ туманными полосами дождя.

— Поздравляю васъ съ праздникомъ, ваше сіятельство, съ благодатью Господней, — сказалъ священникъ, кланяясь ему такъ низко, что далеко отстала отъ груди епитрахиль.

Николай остался въ толпѣ, отпросясь поговорить съ отцомъ. Князь поѣхалъ назадъ одинъ, разминувшись съ тройкой, въ мягкомъ громыханіи бубенчиковъ плывшей навстрѣчу ему. Солнце зашло за облака — и всѣ краски дальнихъ, ясно видныхъ полей стали гуще, бархатнѣе. Слышнѣе стало гудѣніе пчелъ на лозинахъ при вѣздѣ въ село, потянуло свѣжестью, зеленью распускающихся березъ. Синеватая тучка на югѣ смазывалась, поблескивая небольшими молніями... Потомъ солнце опять выглянуло, молодо и радостно

озаряя все, а изъ облака съ сухимъ шорохомъ посыпались рѣдкіе алмазы.

У церковной ограды князь снялъ картузь и перекрестился на ветхую часовню надъ стариннымъ княжескимъ склепомъ, вспомнилъ, какъ однажды спускался туда въ молодости, тоже весною — черезъ полгода послѣ смерти отца... Полгода — великъ ли срокъ! А уже ничего, ничего не осталось къ той счастливой веснѣ отъ стараго грѣшнаго князя, кромѣ костей въ тяжеломъ цинковомъ гробу и крупной росы на его поверхности — серебристаго газа, эфира вѣчной жизни, улетавашаго изъ темнаго ледяного подземелья въ открытый люкъ, въ голубое небо, въ тепло весенняго солнца!

Чтобы не запить, князь чѣмъ-свѣтъ ушелъ на другой день со старикомъ Панкратомъ въ Задонскъ Яровое разсѣвали безъ него.

СКИТЬ

Были свѣтлыя майскія сумерки, когда я подѣзжалъ верхомъ къ караулкѣ. Лошадь шла по узкой дорогѣ среди березоваго и дубоваго лѣса, полного свѣжей поросли осинъ и орѣшника, и въ полусумракѣ раздавался трескъ каждаго сухого сучка подъ копытомъ. Въ старомъ „заказѣ“ все было молодо, зелено въ этотъ вечеръ, соловьи нѣжно и отчетливо выщелкивали по сторонамъ, звонко перекликаясь съ эхо. Ужъ и солнце давно зашло, и алыя пятна заката слабѣли, сквозя по лѣсу, но не было замѣтно, чтобы лѣсъ готовился ко сну. Горлинки журчали гдѣ-то поблизости, кукушка глухо и настойчиво куковала въ отдаленіи... Въ майскія ночи, когда, какъ говорить народъ, „заря зарю встрѣчаетъ“, сонъ слабъ и недологъ, до утра брезжитъ надъ землей полусвѣтъ.

А на полянѣ было и совсѣмъ свѣтло. Въ лощинѣ зеркаломъ стоялъ большой, полный прудъ, лѣсъ окружалъ поляну высокій и живописный, и налѣво рисовался надъ столѣтними березами и дубами блѣдный и прозрачный кругъ мѣсяца. Старикъ караульщикъ, николаевскій солдатъ, сидѣлъ надъ самымъ прудомъ, на пнѣ, и заботливо подбрасывалъ сухіе прутики въ жаркій и проворный костерчикъ, разведенный въ земляной печкѣ подъ котелкомъ. Какъ всегда, онъ былъ „прибранъ на случай смерти:“ чистыя, хотя и заплатанныя портки и рубаха, онучи аккуратно подвязаны оборочками. Онъ сидѣлъ, поставивъ на колѣни руки и положивъ въ ладони голову, смотрѣлъ на огонь, а самъ напѣвалъ тихимъ и тонкимъ, совсѣмъ женскимъ голосомъ.

— Или карасиковъ наловилъ, Мелитонъ?—спросилъ я, соскакивая съ лошади.

Онъ поднялся, вытянулся во весь ростъ и мгновенно принялъ безстрастное выраженіе, стараясь скрыть свою постоянную печаль. Но печаль эта всегда чувствовалась, неловко было смотрѣть въ бирюзовые грустные глаза подъ сдвинутыми бровями и видѣть вмѣстѣ съ этимъ солдатскую подтянутость. Росту Мелитонъ былъ высокаго, фигура у него была худая и костлявая. Густыя сѣрыя брови и усы, сходившіеся на щекахъ со щетинистыми бакенбардами, а больше всего пробритый подбородокъ—придавали ему суровый видъ; но лысина, эти бирюзовые глаза и чистая крестьянская одежда, свидѣтельствующая о готовности лечь „подъ святыя“ когда угодно, говорили о кроткой отшельнической жизни.

Когда картошки въ чугуничкѣ стали сипѣть, Мелитонъ потыкалъ въ нихъ щепочкой и снялъ чугуничекъ съ огня. Огонь сталъ потухать,—только красная грудка жара свѣтилась въ земляной печкѣ. Возлѣ нея пахло сгорѣвшими дубовыми листьями, а когда старикъ сталъ чистить картошки, запахло такъ вкусно, что я попросилъ и себѣ парочку. И мы молча стали ужинать возлѣ неподвижнаго потемнѣвшаго пруда, въ тишинѣ непогасавшей весенней зари. Закатъ за деревьями направо алѣлъ нѣжно и прозрачно, и казалось, что за лѣсомъ разсвѣтаетъ.

— Мелитонъ,—спросилъ я съ юношеской простодушностью,—правда, тебя сквозь строй прогоняли?

— Правда-съ,—отвѣтилъ онъ просто и кратко.

Онъ ушелъ въ избу, а я долго сидѣлъ одинъ, глядя на свѣтъ зари и на тлѣющіе уголья. Появился онъ изъ сумрака неслышно и принесъ съ собой большой ломоть ржаного хлѣба, ножикъ, сдѣланный изъ старой косы, и горсть соли. Когда онъ клалъ все это на траву, я опять спросилъ:

— А правда, ты умѣешь заговаривать и отворять кровь?

— Когда рука была потверже, отворялъ,—отвѣтилъ онъ, съ трудомъ садясь на пень.

Нервно и ласково виляя хвостомъ, изъ сумрака появился и Крутикъ, маленькій, но отчаянно злой, несмотря на свою ласковость. Онъ тоже сѣлъ возлѣ огня, съ удовольствіемъ зѣвнулъ, облизнулся и сталъ слѣдить глазами за каждымъ движеніемъ Мелитона, чистившаго горячія рассыпчатая картошки. Соловьи пѣли страстно и отчетливо, съ нѣжной удалью.

- Жена-то у тебя давно померла?—спросилъ я.
- Восьмой годъ-съ. Да вѣдь ихъ у меня двѣ были.
- А дѣти?
- Дѣтей у меня шесть человѣкъ было.
- Живы?
- Нѣтъ-съ, померли.

И опять Мелитонъ замолчалъ, со старческой осторожностью пережевывая горячую картошку. Я вглядывался въ его лицо, пока онъ сидѣлъ съ опущенными глазами: нѣтъ, никогда не проникнуть мнѣ въ тайну его печальной молчаливости! Онъ кротко и беспомощно взглянулъ на меня,—я отвернулся. Было мнѣ тогда девятнадцать лѣтъ, все умиляло меня: лѣсъ, небо, дубовая караулка, пучки какихъ-то травъ и вѣнички въ сѣнцахъ подъ крышей между сухой листвою рѣшетника... На ногахъ старика лыковые лапти, на тѣлѣ—чистая замашная рубаха... Какъ хорошо и самому прожить такую же чистую и простую жизнь!

— Для кого онъ собираетъ и вяжетъ эти вѣнички?—думалъ я. Вяжутъ ихъ изъ „перекати-поля“ и у старосвѣтскихъ помѣщиковъ еще до сихъ поръ чистятъ ими платье. Они очень душисты; въ дѣтствѣ я самъ собиралъ ихъ... Воспоминаніе объ этомъ и какая-то связь между воспоминаніями и Мелитономъ еще болѣе тронули меня, и я сказалъ, подымаясь:

— Совсѣмъ у тебя скитъ, Мелитонъ!

Старикъ улыбнулся.

— Въ скиту часовенки бываютъ-съ,—сказалъ онъ, бросая корки хлѣба Крутику, и залилъ водой изъ чугуничка уголья. Они зашипѣли и померкли. И тотчасъ же стало видно, что

въ лѣсу—свѣтлая лунная ночь, что поляна освѣщена сіяющимъ мѣсяцемъ, а чащи почернѣли и отдѣлились отъ нея. И ночь казалась еще прекраснѣе отъ того, что къ сѣверу за лѣсомъ теплилась вечерняя заря. Крутикъ, какъ только поужиналъ, тотчасъ же принялся за свою ночную работу. Онъ съ звонкимъ лаемъ хлопоталъ то тамъ, то здѣсь за караулкой, и было похоже, что весь лѣсъ полонъ злыми и неугомонными собачонками. Мелитонъ зажегъ лампочку въ избѣ, настилая мнѣ на коникѣ сѣна, —окошечки подъ ея старой нахлобученной крышей засіяли, какъ два золотые глаза... Потомъ онъ вынесъ лампочку въ сѣни. Я вошелъ туда, и онъ опять улыбнулся мнѣ.

— А то вотъ-съ на мою коечку ложитесь,—сказалъ онъ, указывая глазами на свою кровать.

Подъ крышей мягко и фантастично переламывались наши большія тѣни. Въ углу, направо отъ входа, было устроено нѣчто вродѣ койки на высокихъ ножкахъ изъ бревень. На ней было постлано сѣно, прикрытое попоной и возвышавшееся къ изголовью.

— Да какой теперь сонъ,—сказалъ я,—скоро ужъ и разсвѣтатъ станетъ.

— Скоро-съ,—согласился Мелитонъ безстрастно.

И правда, мы только подремали. Въ темной избѣ было прохладно, въ окошечки виднѣлись зеленоватые кусочки лунной ночи. Но что-то не давало мнѣ спать; достаточно было тонкаго напѣва комара, чтобы очнуться. Я слушалъ Крутика, соловьевъ, думалъ о чемъ-то, чего не вспомнишь, какъ всегда въ бессонную ночь... Не спалъ и Мелитонъ. Его донимали блохи.

— Ну, ужъ погоди, окаянный, отучу я тебя спать подъ койкой!—бормоталъ онъ изрѣдка.

Потомъ онъ кашлялъ, вздыхалъ и что-то шепталъ... Наконецъ, я услышалъ его шаги подъ окнами. Я высунулся изъ окна на прохладу ночного воздуха. Мелитонъ меня не замѣчалъ. Онъ сидѣлъ на порогѣ, опустивъ голову, не спѣша

растиралъ на ладони листовой табакъ и опять напѣвалъ грустнымъ женскимъ голосомъ.

— Ахъ, Господи-Батюшка! — прошепталъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, покачивая головой и высѣкая огонь. И, закуривъ трубку, оперся на руку и запѣлъ внятнѣе, задушевнѣе.

Слышно было, что рассказывалъ онъ въ пѣснѣ про зеленые сады и напоминалъ кому-то съ добрымъ укоромъ тѣ мѣста, гдѣ „скончалась, распрощалась, ахъ, да прежняя любовь“... А ночь такъ и сіяла. Все замерло, мѣсяцъ выбрался на середину неба надъ самымъ прудомъ. Изрѣдка по водѣ что-то струисто поблескивало, точно серебристый ужъ. У противоположнаго берега воды какъ будто не было. Тамъ была свѣтлая бездна въ другое, подземное небо. Вѣковые дубы и березы на томъ берегу казались теперь выше и стройнѣе, чѣмъ днемъ. Таинственно въ росистой и темной чащѣ лѣса ночью! Но еще таинственнѣе былъ тотъ лѣсъ, который, вверхъ корнями, темнѣлъ подъ берегомъ, уходя внизъ вершинами. А налѣво уже занималась утренняя заря; небо тамъ стало стеклянно-зеленое, за опушкой лѣса, далеко въ полѣ, начали свѣжо и четко перекликаться перепела... Я закрылъ глаза... Когда же очнулся, былъ уже день. Прудъ дымился, поляна посѣдѣла отъ холодной крупной росы, зеленый лѣсъ неподвижно стоялъ вокругъ пруда, и зелень его была еще пышнѣе и гуще. Все точно умылось къ утру и ждало его въ спокойной и ясной тишинѣ. А потомъ въ окна потянуло свѣжестью, въ прудѣ заквакали лягушки, и пѣтухъ сильно и выпукло захлопавъ крыльями, заоралъ въ сѣнцахъ, хриплымъ басомъ. Мелитонъ, согнувшись, шелъ отъ пруда съ тяжелымъ, полнымъ ведромъ, изъ котораго плескалась вода, и оставлялъ за собой длинный ярко-зеленый слѣдъ по сѣдой полянѣ...

Въ тотъ же день я уѣхалъ на югъ, а потомъ за границу и совѣмъ не замѣтилъ, какъ прошла осень. Изрѣдка только вспоминалась мнѣ Россія... Тучи низко идутъ надъ полями и грязными поселками, въ туманномъ отъ мелкаго дождя полѣ одиноко сидитъ грачъ на пашнѣ, а на межахъ вѣтеръ

качаетъ бурьянъ. Въ голомъ рѣдкомъ лѣсу почернѣла отъ дождя стѣна караулки, передъ порогомъ стоитъ лужа, полная гнилыхъ листьевъ. Въ избѣ темно и сыро. А ночью бушуетъ въ лѣсу буря, а ночь длится чуть не двадцать часовъ... Какое нужно терпѣніе, чтобы покорно пережить эту безконечную осень!

Когда я вернулся въ Россію, все было подъ снѣгомъ. Двое сутокъ поѣздъ мчалъ меня по снѣжнымъ равнинамъ и лѣсамъ. Въ Россіи былъ голодъ; но почти весь декабрь стояли хмурые дни, и густой иней нарасталъ подъ сѣрымъ и низкимъ небомъ на деревьяхъ и телеграфныхъ проволокахъ: это предвѣщало урожай. И первое, что сказалъ мнѣ на станціи нашъ кучеръ, было слово „иней“.

Отъ инея посѣрѣли и стали кудрявыми шапки, бороды, лошади и тяжелая, холодная волчья полость въ саняхъ. Въ сумеркахъ сливались небо, воздухъ и глубокіе снѣга, завалившіе весь дворъ станціи. Я сѣлъ въ бѣгунки одинъ, послалъ впередъ троичныя сани съ вещами, приказалъ ѣхать веселѣе. Кучеръ, стоя въ саняхъ, перевалился черезъ высокий сугробъ на выѣздъ въ поле и шибко погналъ по снѣжной дорогѣ. Я отсталъ.

Морозило, иней на межахъ насѣдалъ на бурьяны такъ густо, что они, какъ огромные серебряные папоротники, лежали, пригнувшись къ землѣ. Потомъ уже ничего нельзя было разглядѣть въ сѣдой мглѣ ночи. Чувствуешь только запахъ снѣга и слышишь какой-то шопотъ: это шуршатъ полозья. И поминутно теряется представление о томъ, куда ѣдешь.

Но вотъ во мглѣ на горизонтѣ стало свѣтлѣть. Пробираясь малиновымъ шаромъ, сталъ подыматься большой мѣсяцъ, еще мутный, перерѣзанный пополамъ лиловой длинной тучкой. Подымаясь, онъ оставилъ тучку ниже себя, а самъ дѣлался все золотистѣе и прозрачнѣй, отъ лошади и саней обозначались направо тѣни. Когда же я подѣхалъ къ заказу, вѣхалъ въ сумракъ, лежавшій отъ него по полю

и прихотливо испещренный узорами свѣта, — вся снѣжная даль направо была озарена ярко и сіяла.

А въ лѣсу было сказочное мертвое царство. Деревья въ пушистомъ инеѣ казались огромными; они низко опустили свои тяжелья, кудрявыя вершины, и мѣсяцъ серебрилъ ихъ. Порою, на снѣжной полянѣ, онъ смотрѣлъ прямо на меня, порою я въѣзжалъ въ сумракъ, и мѣсяцъ таинственно сквозилъ за снѣжными деревьями... Но вотъ красновато-золотистой звѣздой засвѣтился огонекъ въ караулкѣ, и по всему чуткому морозному лѣсу пошелъ звонкій, разбѣгающійся по чащамъ лай Крутика.

У дубка передъ караулкой я привязалъ лошадь. Съ дубка бенгальскимъ огнемъ сыпались искры снѣга, а Крутикъ извивался у меня подъ ногами. Я постоялъ и послушалъ глубокую тишину лѣса, осторожно подошелъ къ завалинкѣ и заглянулъ въ верхній кусочекъ полузамерзшаго окна... И глухая отшельническая жизнь старика снова поразила меня своей мужицкой, древне-русской суровостью. Въ глубинѣ слабо освѣщенной, закопченной избы онъ стоялъ передъ иконой и, закрывая глаза, кланялся ей въ поясъ, точно сокрушаемый великими грѣхами. Должно быть, онъ только что выкупался, — конечно, въ ледяныхъ снѣгахъ, гдѣ рѣшетникъ въ инеѣ сверкалъ при лампочкѣ своей серебряной бахромою. Рѣдкіе волосы его были мокры и причесаны, подбородокъ чисто пробритъ, длинная бѣлая рубаха аккуратно подпоясана. И когда онъ закидывалъ назадъ голову и долго стоялъ такъ съ закатившимися подъ лобъ глазами, я видѣлъ на его лицѣ такую скорбь, такую восторженно-грустную готовность принять тихую, желанную смерть!

Говорилъ онъ опять мало, хотя былъ ласковъ. Въ избѣ было тепло и сыро, какъ въ банѣ; я скинулъ шубу и сидѣлъ на лавкѣ у столика. А старикъ стоялъ передо мною, отвѣчалъ не спѣша и все прикрывалъ глаза. Наконецъ, уже собираясь уѣзжать, я какъ будто мимоходомъ спросилъ:

— Мелитонъ, отчего это ты такой скучный?

Онъ удивился.

— Я-съ? — спросилъ онъ растерянно. — Я ничего-съ... Известно, старость.

— Или горе у тебя какое? — сказалъ я, глядя ему въ глаза.

— Избави Богъ-съ! — сказалъ онъ поспѣшно. — Я караулю-съ...

— Да нѣтъ, я не про то, — сказалъ я, смутившись. — Я такъ спросилъ...

Онъ понялъ, успокоился и нѣжно улыбнулся, прикрывая глаза.

— А я думалъ, обида какая-съ, — сказалъ онъ ласково. — А что я невеселый, такъ какое же веселье? И грѣховъ много-съ...

— Какіе же у тебя грѣхи, Мелитонъ!

— Грѣхи-съ у всякаго есть, — сказалъ онъ со вздохомъ, кротко и серьезно. — На то и живемъ-съ, чтобы за грѣхи каяться.

— Да ты и то какъ святой живешь. Ты вонъ постишься цѣлый вѣкъ...

Онъ опять удивился и даже слегка нахмурился.

— Ёмъ-съ, какъ всѣ, — сказалъ онъ скороговоркой. — Живутъ хуже моего-съ, всѣ такъ живутъ...

— Ну, прощай! — сказалъ я, надѣвая шубу и отворяя дверь на морозный воздухъ лунной ночи.

Морозило крѣпко, и Большая Медвѣдица, какъ бриллиантовая, вистѣла по небу надъ снѣжной поляной. Мелитонъ безъ шапки и въ одной рубахѣ стоялъ на порогѣ.

— Прощай, Мелитонъ! — сказалъ я, садясь въ сани. — Иди въ избу, простудишься!

— Ничего-съ, — смиренно отвѣтилъ Мелитонъ. — Счастливей дороги-съ!

Лошадь въ свѣтломъ полѣ бѣжала шибко и бодро, полозя пѣли и визжали по затвердѣвшему снѣгу, вѣтеръ съ сѣвера слегка обжигалъ лицо, сковывая усы и рѣсницы. Я отвертывался отъ него, прикрываясь пахучимъ на морозѣ енотовымъ воротникомъ.

СВЕРЧОКЪ

Эту небольшую исторію рассказалъ шорникъ Сверчокъ, весь ноябрь работавшій вмѣстѣ съ другимъ шорникомъ, Василіемъ, у помѣщика Ремера.

Ноябрь стоялъ темный и грязный, зима все не налаживалась. Ремеру съ его молодой женой, скупой и дѣльно хозяйствовавшимъ въ огромной дѣдовской усадьбѣ, было скучно, и вотъ они стали ходить по вечерамъ изъ своего забитаго двухъэтажнаго дома, гдѣ только внизу, подъ колоннами, была одна сносная жилая комната, въ старый, грязный флигель, въ упраздненную контору съ обвалившейся штукатуркой, гдѣ зимовала птица и помѣщались шорники, работникъ и работница.

Вечеромъ подъ Введеніе несло непроглядной мокрой вьюгой. Въ просторной и низкой конторѣ, когда-то бѣленой мѣломъ, было очень тепло и сыро, густо воняло махоркой, жестяной лампочкой, горѣвшей на верстакѣ, сапожнымъ варомъ, политурой и мятной кислотой кожи, куски и обрѣзки которой, вмѣстѣ съ инструментами, новой и старой сбруей, хомутиной, потниками, дратвой и мѣднымъ наборомъ, навалены были и на верстакѣ, и на затоптанномъ, какъ въ закутѣ, засоренномъ полу. Воняло и птицей изъ темной кухни, куда была отворена дверь, но Сверчокъ и Василій, ночевавшіе въ этой вонючей и каждый день сидѣвшіе въ ней съ согнутыми спинами не менѣе десяти—одиннадцати часовъ, были, какъ всегда, очень довольны свсимъ помѣщеніемъ

особенно же тѣмъ, что Ремеръ не жалѣетъ топки, хотя могъ бы жалѣть, отпуская хорошіе харчи. Съ узенькихъ подоконожниковъ за верстакомъ капало, на черныхъ стеклахъ сверкала и рѣзко бѣлѣлъ липкій мокрый снѣгъ. Шорники пристально работали, кухарка, небольшая женщина въ полушубкѣ и мужицкихъ тяжелыхъ сапогахъ, называясь за день, отдыхала на продранномъ стулѣ у вымазанной по мѣлу глиной, горячей печки. Она грѣла спину и руки и, немного склонивъ на бокъ маленькую голову, закутанную пеньковымъ платкомъ, не сводя остановившихся глазъ съ огня, слушала шумъ вѣтра, потрясавшаго порою весь флигель, постукиванье молотка по хомуту, который дѣлалъ Василій, и старчески-дѣтское дыханіе лысаго Сверчка, возившагося надъ шлеей и въ затруднительныя минуты шевелившаго краснымъ кончикомъ языка. Медленно, слоями плавалъ по комнатѣ синеватый дымъ махорки, шумѣлъ вѣтеръ за стѣнами. И всѣ долго молчали, поджидая прихода господъ.

Лампочка, облитая керосиномъ, стояла на самомъ краю верстака и какъ разъ посрединѣ между работавшими, но Василій то и дѣло подвигалъ ее къ себѣ своей сильной, жилистой, смуглой рукой, засученной по-локоть. Сила, увѣренность въ силѣ чувствовались и во всей фигурѣ этого черно-волосаго тридцатилѣтняго челоуѣка, похожаго на малайца, въ каждой выпуклости его мускулистаго тѣла, ясно обозначавшагося подъ тонкой, точно истлѣвшей на немъ рубахой, бывшей когда-то красной, и казалось всегда, что Сверчокъ, маленькій и, несмотря на видимую бодрость, весь разбитый, какъ всѣ дворовые люди, побаивается Василія, выросшаго въ городѣ и никогда никого не боявшагося. Казалось это и самому Василію, даже усвоившему себѣ манеру, какъ бы въ шутку, на забаву окружающимъ, покрикивать на Сверчка, охотно помогавшаго этой шуткѣ,—тоже, не то въ серьезъ, не то для забавы пугавшагося этихъ окриковъ.

Василій, держа между голенищами и колѣнками, прикрытыми замашнымъ засаленнымъ фартукомъ, новый хомутъ, обтягивалъ его толстой, темнолиловой пахучей кожей, одной

рукой крѣпко захватывая ее и туго натаскивая на дерево клещами, а другой вынимая изъ сжатыхъ губъ гвозди съ мѣдными шляпками, втыкая ихъ въ наколы, заранѣе сдѣланные шиломъ, и затѣмъ съ одного маха, ловко и сильно вколачивая молоткомъ. Онъ низко нагнувъ свою большую голову въ черныхъ, влажно-курчавыхъ волосахъ, перехваченныхъ ремешкомъ, и работалъ съ той пріятной и себѣ, и окружающимъ, ладной напряженностью, которая дается только хорошо развитой силой, талантомъ. Напряженно работалъ и Сверчокъ, но напряженность эта была иного рода. Онъ прошивалъ концомъ новую, еще нечерненную, розово-тѣлеснаго цвѣта шлею, какъ и Василій, захвативъ ее въ колѣни, въ голенища и фартукъ, и съ трудомъ накалывалъ ее, съ трудомъ,—шевелия языкомъ и принаравливая къ свѣту лысую голову,—попадалъ щетиной въ дырочки, хотя раздергивалъ въ разныя стороны и закрѣплялъ конецъ тоже ловко и сильно, даже съ нѣкоторымъ удалствомъ стараго, наторѣлаго мастера.

Наклоненное къ хомуту лицо Василя, широкое, съ выступающими подъ маслянистой желто-смуглой кожей костями, съ рѣдкими и жесткими черными волосами надъ углами губъ, было строго, нахмурено и значительно. А по наклоненному къ шлеѣ лицу Сверчка видно было только то, что ему темно и трудно. Онъ, одѣтый совершенно такъ же, какъ и Василій, былъ ровно вдвое старше его и чуть не вдвое меньше ростомъ. Сидѣлъ ли онъ, вставалъ ли,—разница была не велика,—такъ коротки были его ноги, обутыя въ разбитые, ставшіе отъ старости мягкими сапоги. Ходилъ онъ,—тоже отъ старости,—неловко, согнувшись, такъ что отставалъ фартукъ и виденъ былъ глубоко провалившійся животъ, слабо, по-дѣтски подпоясанный. По-дѣтски темны были его черные глазки, похожіе на маслинки, а лицо имѣло слегка лукавый, насмѣшливый видъ: нижняя челюсть у Сверчка выдавалась, а верхняя губа, на которой, взамѣнъ усовъ, чернѣли двѣ тонкихъ, всегда мокрыхъ косички, западала. вмѣсто „баринъ“ говорилъ онъ „баинъ“, вмѣсто „было“—„быво“ и

часто всхлипывалъ, подтирая большой холодной рукой, суставами указательнаго пальца, свой повисшій носикъ, на концѣ котораго все держалась свѣтлая капелька. Пахло отъ него махоркой, кожей и еще чѣмъ-то острымъ, какъ отъ всѣхъ стариковъ, купающихся два—три раза въ годъ.

Сквозь шумъ метели, послышался изъ сѣней топотъ обитаемыхъ отъ снѣга ногъ, хлопанье дверей—и, внося съ собой свѣжій хорошій запахъ, вошли господа, залѣпленные бѣлыми хлопьями, съ мокрыми лицами и блестками на волосахъ и одеждѣ. Большая темно-красная борода и густыя, нависшія надъ серьезными и живыми глазами брови Ремера, глянцевитый каракулевый воротникъ его мохнатаго пальто и каракулевая шапка казались отъ этихъ блесковъ еще великолѣпнѣе, а нѣжное, милое лицо его жены, ея мягкія длинныя рѣсницы, сине-сѣрые глаза, и пуховый сѣрый платокъ, окутывающій ея голову, еще нѣжнѣе и милѣе. Кухарка хотѣла уступить ей продранный стулъ, она ласково поблагодарила ее, заставила остаться на своемъ мѣстѣ и сѣла на длинную кухонную скамью въ другой уголь, осторожно снявъ съ нея узду со сломанными удилами; потомъ слабо зѣвнула, повела плечами, улыбнулась и тоже засмотрѣлась на огонь широко раскрытыми глазами. Ремеръ закурилъ и сталъ ходить по комнатѣ, не раздѣвшись и не снявъ шапки. Она тоже не раздѣлась, сидѣла, какъ будто чего ожидая, и счастливо думала то о той новой, пріятно непривычной жизни, которой она уже полгода жила въ деревнѣ, то о далекой Москвѣ, ея улицахъ, огняхъ, трамваяхъ. Какъ всегда, господа пришли только на минутку,—ужъ очень тяжелый и теплый былъ у шорниковъ воздухъ,—но потомъ, какъ всегда, забылись, потеряли обоняніе, заговорились... И вотъ тутъ-то, неожиданно для всѣхъ, и рассказалъ Сверчокъ о томъ, какъ замерзъ его сынъ.

— Однако, ты, братъ, ловокъ,—прошепелявилъ онъ, когда Василій, поздоровавшись съ господами кивкомъ головы, опять придвинулъ къ себѣ лампочку.— Однако, ты, бѣать, вовокъ. Я, небось, постарше тебя немножко,—сказалъ онъ, всхлипывая и подтирая носъ.

— Что?—притворно-грозно крикнулъ Василій, сдвигая брови.—Ай тумака захотѣль? Такъ дождешься. Я и не такихъ окорачивалъ, а отъ сверчковъ-то только мокро оставалось. Можетъ, тебѣ еще газовый рожокъ зажечь? Ослѣпъ—такъ въ богадѣльню.

Всѣ улыгнулись,—даже и барыня, которой все-таки немного непріятны были эти шутки, всегда немного жалко Сверчка,—и подумали, что Сверчокъ, какъ всегда, отпустить что-нибудь смѣшное. Но на этотъ разъ онъ только головой покрутилъ и, вздохнувъ, разогнулся и остановилъ взглядъ на черныхъ стеклахъ, залѣпленныхъ мокрыми бѣлыми хлопьями. Потомъ, взявъ шило своей большой, въ крупныхъ жилахъ и съ широко разставленными суставами большого и указательного пальцевъ рукой, неловко и съ трудомъ воткнулъ его въ розоватую сырую кожу. Кухарка, замѣтивъ, что онъ смотрѣлъ на окна, заговорила о томъ, какъ она боится, что ея мужикъ, поѣхавшій за коноваломъ въ Чичерино, замерзнетъ, собьется съ дороги въ такую куру. Ремеръ, думая о чемъ-то своемъ, сталъ ее успокаивать,—не поѣдетъ онъ, молъ, переночуетъ въ Чичеринѣ, а если и поѣдетъ, такъ не бѣда, кура теплая,—какъ вдругъ Сверчокъ, дѣлая видъ, что очень занятъ шлеей, отклоняясь и оглядывая ее, сказалъ съ грустнымъ добродушіемъ:

— Да, братъ, ослѣпъ... Поневоля ослѣпнешь! Ты вотъ доживи-ка до моихъ годовъ, да прочувствуй съ мое! Анъ не доживешь! Сверчокъ, братъ, сверчку розь. Я вотъ споконъ вѣку такой, неизвѣстно, въ чемъ душа держится, а все тянуса, жиль — и еще бы столько же прожилъ, какъ бы было зачѣмъ. Я, братъ, очень даже хотѣлъ жить, пока было антиресно, и жиль, смерти не поддавался. А твою-то силу мы еще не знаемъ. Молода, въ Саксонѣ не была...

Василій посмотрѣвъ на него пристально, какъ посмотрѣли и господа, и кухарка, удивленные его необычнымъ тономъ,—на минуту, въ молчаніи, особенно явственно сталъ слышенъ шумъ вѣтра вокругъ флигеля,—и серьезно спросилъ:

— Что это ты буровишь такое?

— Я-то?—сказалъ Сверчокъ, поднимая голову.—Нѣтъ, братъ, я не буровлю. Я это про сына вспомнилъ. Слышалъ, небось, какой молодець былъ? Пожалуй, еще почище тебя будетъ, да и силой не уступилъ бы, а вотъ не могъ же того выдержать, что я.

— Вѣдь, онъ замерзъ, кажется?—спросилъ Ремеръ.

— Замерзъ, я его зналъ,—отвѣтилъ Василій и, не стѣняясь, какъ говорятъ о ребенкѣ при немъ же самомъ, добавилъ:—Да онъ и не сынъ ему, говорятъ, былъ,—Сверчку-то.

— Это дѣло иная,—такъ же просто сказалъ и Сверчокъ,—это все можетъ быть, а почиталъ онъ меня не меньше отца, дай Богъ, чтобъ твои такъ-то тебя почитали, да я и не докапывался, сынъ онъ мнѣ, али нѣтъ, моя кровь, аль чужая... авось, она у всѣхъ одинаковая! Сила въ томъ, что онъ, можетъ, дороже десятерыхъ родныхъ мнѣ былъ. Вы вотъ, баринъ, и вы, сударыня,—сказалъ Сверчокъ, поворачивая голову къ господамъ и особенно ласково выговаривая: „сударыня“—вы вотъ послушайте, какъ было-съ это дѣло, какъ замерзъ-то онъ. Я вѣдь его всю ночь на закоркахъ таскалъ!

— Кура сильная была?—спросила кухарка.

— Никакъ нѣтъ,—сказалъ Сверчокъ.—Туманъ.

— Какъ туманъ?—спросила, внезапно оживляясь, барыня.—Да развѣ въ туманъ можно замерзнуть? И зачѣмъ же вы его таскали?

Сверчокъ кротко улынулся.

— Хм!—сказалъ онъ.—Да вы того, сударыня, и вообразить себѣ не можете-съ, до чего онъ, туманъ-то этотъ, можетъ замучить! А таскалъ я его затѣмъ, что ужъ очень жалко было-съ, все думалъ отстоять его отъ этого... отъ смерти-то. Это такъ вышло,—картаво началъ онъ, обращаясь не къ Василію и не къ Ремеру, еще суровѣе сдвинувшему брови и сѣвшему на скамью, а только къ одной барынѣ,—это вышло-съ какъ разъ подъ самый Николинъ день...

— А давно?—спросилъ Ремеръ.

— Да лѣтъ пять или шесть тому назадъ,—отвѣтилъ за Сверчка Василій, серьезно слушая и свертывая цыгарку.

Сверчокъ мелькомъ, старчески-строго глянулъ на него.

— Оставь мнѣ затѣнуться,—сказалъ онъ и продолжалъ:— работали мы, сударыня, у барина Савича въ Огневкѣ,—онъ, сынъ-то, со мной всегда ходилъ, не отбивался отъ меня, зналъ, что плохому не научу,—ну, работали и работали, а квартиру въ селѣ, въ Маховомъ снимали, жили послѣ смерти матери въ родѣ какъ два дружныхъ товарища. Подходитъ, наконецъ, того, Николинъ день. Надо, думаемъ, до мой отличиться, немножко въ порядокъ себя привести, а то ужъ очень все на насъ землѣ предалось и, по совѣсти сказать, вошь доняла. Собираемся такъ на-вечеръ, а того ине видимъ, что такая стыдъ да еще съ туманомъ къ вечеру завернула, алыни деревни за лужкомъ не видать, ужъ не говоря про то, что очень мѣстность вездѣ глухая. Копаемся, прибираемъ струментъ въ этой самой банѣ, гдѣ мы, значитъ, спасались, никакъ ничего не найдемъ въ темнотѣ,—скупой баринъ-то былъ, огарочка не разживешься,—чувствуемъ, что припоздали маленько—и, вѣрите ли, такая тоска вдругъ взяла меня, что я и говорю: „Дорогой, ты, мой товарищъ, Максимъ Ильичъ, ай намъ остаться, до утра обождать?“

— А васъ Ильей зовутъ?—спросила барыня, вдругъ вспомнивъ, что она до сихъ поръ не знаетъ имени Сверчка, и на мгновеніе залилась нѣжнымъ румянцемъ, отчего еще прекраснѣе стали ея сине-сѣрые глаза и длинныя рѣсницы.

— Ильей-съ,—ласково сказалъ Сверчокъ и, всхлипнувъ, потеръ носъ,—Ильей Капитоновымъ. Но только сынъ-то меня тоже Сверчкомъ звалъ и все,—вотъ не хуже этого Бовы Королевича, Василь Степаныча,—шутить, грубіянилъ со мной. Ну, конечно, пошутить, закричалъ и тутъ.. развѣ молодому о смерти-то думается? „Это еще, молъ, что такое? Поговори у меня!..“ Нахлобучилъ мнѣ шапку по уши, надѣлъ свою, ремешкомъ подтянулся.—красавецъ былъ, сударыня, истинную вамъ правду говорю-съ!—взялъ палочку, сунулъ

мнѣ въ руку мѣшочекъ съ нашимъ добришкомъ, съ шильцами нашими—и безъ дальнихъ разговоровъ маршъ на крыльцо. Я за нимъ... Вижу, туманъ страсть какой и ужъ совсѣмъ стемняло, барскій садъ весь сизыми шапками, ине-емъ обросъ,—какъ туча какая въ сумеркахъ, въ туманѣ этомъ мерещится,—да дѣлать, значить, нечего, не хочу молодого человѣка обижать, молчу. Перешли лужки, поднялись на горку, оглянулись,—а оконъ у барина ужъ не видать, все сѣрое, сумратное сдѣлалось, стоитъ, надвинулось, даже смотрѣть жутко. Отвернулся я отъ вѣтру,—въ одну минуту духъ захватило, такъ и несетъ холодомъ съ этой мгой, туманомъ, вродѣ какъ дыханіе какое.—чувствую, что ужъ на двухъ шагахъ до самыхъ костей прохватило, а сапоги-то на насъ нагольные, да и поддевочки на шереметьевскій счетъ шиты, и опять говорю: „Ой вернемся, Максимъ, не форси!“ Онъ было и задумался... Да, извѣстно, дѣло не старое, по себѣ, небось, сударыня, знаете,—какъ свою гордость не показать?—насупилъ поскорѣе и опять пошелъ. Входимъ въ деревню,—конечно, потише стало, вездѣ огни по избамъ, хоть и мутные, скучные, какъ дымъ какой, а все-таки—жилье,—онъ и бубнить: „Ну, видишь? Чего дрожалъ? Видишь, на ходу-то куда теплѣй, это только сначала такъ стюдено показалось, а теперь совсѣмъ тепло... Не отставай, не отставай, а то подгонять зачну...“ А ужъ какая тамъ, сударыня, тепло, всѣ водовозки на-четверть инеемъ обросли, всѣ лозинки, польнки къ землѣ пригнуло, крышъ не видать отъ туману и морозу... Конечно, жилье, да отъ этихъ огней еще больше жуть, туманъ еще сизѣй, сумратнѣй выдаетъ, и всѣ рѣсницы у меня въ инеѣ, отяжелѣли, какъ у лошади хорошей, а барскихъ оконъ на томъ боку и званія не осталось... Одно слово—ночь лютая, самая что ни на есть волчиная глухомань.

Василій нахмурился, пустилъ въ обѣ ноздри дымъ и, подавая окурокъ Сверчку, перебилъ его:

— Ну, ты, гвухоманъ, такъ до второго пришествія не кончишь. Ты, многоглаголевый Абакумъ, скорѣй рассказывай.

И дѣловито перевернулъ на колѣняхъ хомутъ, намѣреваясь продолжать работу. Сверчокъ, щепотками, кончиками прокопченныхъ, съ синей грязью подъ ногтями пальцевъ, взявъ у него окурокъ, сильно затянулся и на минуту грустно задумался, какъ бы слушая свое дѣтское дыханіе и шумъ вѣтра за стѣнами. Потомъ несмѣло сказалъ:

— Ну, Богъ съ тобой, хорошо, покороче скажу. Чистая, братъ, восца въ тебѣ сидитъ... Все поскорѣе да кое-какъ.. Да я и не тебѣ, я господамъ рассказываю,—вотъ барынѣ, можетъ, антиресно послушать, онѣ еще не знаютъ какъ слѣдуетъ нашего мужицкаго дѣла. Я и хотѣлъ сказать, что просто мы заблудились въ двухъ шагахъ. Мы, сударыня,—продолжалъ онъ увѣреннѣе, взглянувъ на барыню уловивъ въ ея глазахъ интересъ и сочувствіе и вдругъ острѣе почувствовавъ свое давно ставшее привычнымъ горе,—мы дороге, значить, потеряли. Какъ только вышли за деревню, за задворки, по-нашему, да попали въ эту темь, во мгу, въ холодъ, да прошли, можетъ, съ версту, такъ и заблудились. Тутъ большой верхъ, агромадный лугъ, буераки до самага Маховаго идутъ, а надъ ними дорога зимняя всегда есть, вотъ мы и потрафляли по ней, все думали, что вѣрно держимся, а замѣсто того влѣво забрали по чьему-то слѣду, къ бибиковскимъ, значить, оврагамъ, и слѣдъ этотъ тоже на бѣду упустили, а ужъ тамъ и пошли мѣсить по снѣгу, по вѣтру какъ попало. Да это все, сударыня, исторія извѣстная,—кто не блудилъ, всѣ блудили,—а я то хотѣлъ сказать, какую муку-съ я за эту ночь принялъ! Я, правда, до того оробѣлъ, до того испугался, какъ, значить, проходили мы, прокружились часа два, али три, да зарыали, задохнулись, обмерзли, стали въ пень и видимъ, что въ отдѣлку пропали, до того, говорю, испугался, что у меня ажъ руки, ноги огнемъ закололо.—всякому, понятно, свой животъ дорогъ,—но только я и въ мысляхъ не держалъ, что дальше-то будетъ, какъ накажетъ меня Господь! Я, понятно, такъ и думалъ, что мнѣ первому конецъ,—многоль во мнѣ духу, сами изволите

видѣть,—а какъ увидалъ, что не мнѣ, что я-то живъ, стою, а ужъ онъ на снѣгъ сѣлъ, какъ увидалъ это...

Сверчокъ слегка вскрикнулъ на послѣднихъ словахъ, взглянулъ на кухарку, которая уже плакала и сморкалась въ подолъ, и вдругъ, заморгавъ, исказивъ и брови, и губы, и задрожавшую челюсть, сталъ торопливо искать кисетъ, Василий сердито сунулъ ему свой, и онъ, вертя прыгающими большими руками цыгарку и роняя въ табакъ слезы, опять заговорилъ, но уже новымъ, размѣренно твердымъ и повышеннымъ тономъ:

— Дорогая моя сударыня, у насъ былъ баринъ Ильинъ, лютѣй его во всей губерни не было,—до нашего, то-есть, брата, двороваго,—такъ вотъ онъ замерзъ, подъ городомъ нашли,—лежитъ въ каретѣ, весь снѣгомъ забитъ, и самъ окоченѣлъ ужъ давно, и во рту ледъ, а возлѣ него сидитъ-дрожитъ кобель живой, сетерь его любимый, подъ шубой подъ енотовой: онъ, значить, злодѣй-то такой, шубу свою собственную снялъ съ себя и кобеля накрылъ, а самъ замерзъ, и кучеръ его замерзъ, и вся тройка мерзлая на оглобли навалилась, поколѣла... А вѣдь тутъ не кобель, тутъ — сынъ родной, дорогой мой товарищъ! Да сударыня! Что мнѣ было снять-то съ себя? Поддевку-то эту? Да она была ровесница мнѣ, на немъ была вдвое теплѣй... Да тутъ и шубой не помочь бы! Тутъ хоть рубаху сними—не спасешь, хоть на весь бѣлый свѣтъ кричи—никого не докричишься! Онъ вскорости еще пуще меня испугался, и вотъ отъ этого отъ самага и пропали-то мы. Какъ только упустили мы этотъ слѣдъ, онъ сразу и заметался. Сперва все покрикивалъ, зубами ляскалъ да отдувался, какъ, значить, до животовъ-то прохватило насъ вѣтромъ съ морозомъ, потомъ въ родѣ какъ ошалѣлъ. „Стой!—кричу.—Ради Христа, стой, давай сядемъ, обдумаемся!“ Молчить. Я его за рукавъ хватаю, опять кричу... Молчить, да и только! Либо не понимаетъ ничего, либо не слышитъ. Темъ, хоть глазъ выколи, ногъ, рукъ ужъ не чуюмъ, все лицо инеемъ занесло, сковало, губъ въ родѣ какъ совсѣмъ нѣту—одна челюсть голая—и ничего не поймешь,

ничего не видать! Гудить вѣтеръ въ уши. несетъ мгу эту, а онъ кружится, мечется—и ничего не слушаетъ меня. Бѣгу, глотаю туманъ, вязну по поясъ... того гляди, думаю, изъ виду его упушу... вдругъ—разъ! сорвались куда-й-то, покатились, задохнулись въ снѣгу... чую—въ оврагахъ сидимъ. Тутъ онъ маленько, было, одумался. Помолчали, помолчали, отдышались—вдругъ онъ и говоритъ: „Это что, отецъ? Бибиловскіе овраги? Ну, сиди, сиди, давай отдохнемъ. Вылѣземъ—цѣликомъ назадъ пойдемъ. Теперь я все понимаю. Ты не бойся, не бойся,—я тебя доведу“. А ужъ голосъ-то дикій, не живой. Не говоритъ, а рубить... И вотъ тутъ-то я и понялъ, что пропали мы. Вылѣзли, опять пошли, опять ошалѣли, зарьяли... мѣсили, мѣсили снѣгъ еще часа два, попали еще дальше, въ кустарникъ дубовый бунинскій, да какъ наткнулись на него, да поняли, что мы ужъ верстахъ въ пятнадцати отъ Огневки, въ степи пустой,—тутъ онъ и сѣлъ вдругъ: „Сверчокъ, прощай“. „Стой, какъ прощай? Очнись, Максимъ!“ Нѣтъ,—сѣлъ и смолкъ...

— Долга пѣсня рассказывать, сударыня!—вдругъ опять звонко сказалъ Сверчокъ, искажая брови.—Тутъ и страхъ весь пропалъ у меня. Какъ сѣлъ онъ, мнѣ такъ въ голову и вдарило: а-а, думаю, вонъ что,—помирать мнѣ теперь, видно, время нѣтъ! Руки сталъ у него цѣловать, умолять—моль, поддержишь хоть немножко еще, не сиди, не давайся сну этому смертному, пойдемъ цѣликомъ, обопрись на меня! Нѣтъ,—валится съ ногъ долой, да и только! А я бы и померъ отъ этакой страсти, да ужъ—не могу... не въ состояніи... И когда ужъ кончился онъ, смолкъ совсѣмъ, отяжелѣлъ, оледенѣлъ, я его, мужчину этакого, на закорки сгребъ, навалилъ, подъ ноги подхватилъ—и поперъ цѣликомъ. Нѣтъ, думаю, стой, нѣтъ, шалишь, не отдамъ,—мертвого буду сто ночей таскать! Бѣгу, вязну въ снѣгу, а у самого духъ отъ тяжести занимается, волосы дыбомъ отъ страха встаютъ, какъ онъ своей студеной головой,—картузь-то ужъ давно свалился,—по плечу моему елозитъ, до уха касается. А все бѣгу да кричу, какъ шальной: „нѣтъ, постой, не отдамъ, помирать

мнѣ теперь не время!“ Думалось такъ, сударыня,—сказалъ Сверчокъ вдругъ упавшимъ голосомъ и заплакалъ, вытирая рукавомъ глаза, выбирая на рукавѣ мѣстечко менѣе грязное, ближе къ плечу,—думалось такъ... принесу... принесу на село... можетъ, отгадетъ, ототру...

Долго спустя, когда Сверчокъ уже успокоился и, закуривъ новую цыгарку, положилъ ногу на ногу и сталъ пристально смотрѣть красными глазами въ одну точку передъ собою, когда вытерли слезы и облегченно вздохнули и барыня, и кухарка, которая уже поднялась съ мѣста, чтобы нести черезъ весь дворъ, сквозь эту мокрую снѣжную бурю ужинъ господамъ, Василій серьезно сказалъ:

— А напрасно я тебя окоротилъ. Ты хорошо рассказываешь. Я не чаялъ такой прыти отъ тебя.

— Вотъ то-то и оно-то,—тоже серьезно и просто отвѣтилъ Сверчокъ.—Тутъ, братъ, всю ночь можно рассказывать, и то не расскажешь.

— А сколько ему было лѣтъ?—спросилъ Ремеръ, искоса поглядывая на жену, тихо улыбающуюся послѣ слезъ, и тревожно думая о томъ, какъ бы это не повредило ей въ ея положеніи.

— Двадцать пятый-съ,—отвѣтилъ Сверчокъ.

— И больше у васъ не было дѣтей?—робко спросила барыня.

— Нѣтъ-съ, не было. Да и то вотъ всѣ говорятъ, что не мой онъ былъ, Максимъ-то.

— А у меня вонъ цѣлыхъ семеро,—нахмуриваясь, сказалъ Василій.—Изда два шага, а ихъ куча. Тоже не велика сласть и дѣти. Намъ, видно, чѣмъ раньше помереть, тѣмъ выгоднѣе. Сверчокъ подумалъ.

— Ну, это не нашего ума дѣло,—еще проще, серьезнѣй и грустнѣй отвѣтилъ онъ и опять взялся за шило.—Не замерзни онъ, меня, братъ, до ста лѣтъ никакая смерть не взяла бы.

Господа переглянулись и, застегиваясь, поднялись съ мѣсть. Они ужъ чувствовали себя какъ-то неловко, лишними. Но

еще долго стояли, чтобы не выказать этого, уйти попроще, не сразу, и слушали, какъ отвѣчалъ Сверчокъ на разспросы кухарки о томъ, донесъ ли онъ сына до села, чѣмъ кончилось дѣло. Сверчокъ отвѣчалъ, что донесъ, но только не до Маховаго, а до желѣзной дороги и упалъ, споткнувшись на рельсы. Обморозилъ руки, ноги и уже совсѣмъ терялъ сознание. Разсвѣло, шла метель, все бѣлѣло, а онъ сидѣлъ въ степи и смотрѣлъ, какъ заноситъ снѣгъ его мертваго сына, набивается ему въ рѣдкіе усы и бѣлыя уши. Подняли ихъ кондуктора товарнаго поѣзда, шедшаго изъ Балашова.

— Дивное дѣло,—сказала кухарка, когда онъ кончилъ,— не пойму я того, какъ ты самъ-то въ такую страсть не замерзъ?

— Не до того было, матушка,—отвѣтилъ Сверчокъ разсѣянно, ища что-то на верстахъ, въ обрѣзкахъ кожи.

НА КРАЙ СВѢТА

I

То, что такъ долго всѣхъ волновало и тревожило. наконецъ, разрѣшилось: Великій Перевозъ сразу опустѣлъ на половину.

Много бѣлыхъ и голубыхъ хатъ осиротѣло въ этотъ лѣтній вечеръ. Много народу навѣкъ покинуло родимое село—его зеленые переулки между садами, пыльный базарный выгонъ, гдѣ такъ весело въ солнечное воскресное утро, когда кругомъ стоитъ говоръ, гудитъ бранью и спорами корчма, выкрикиваютъ торговки, поютъ нищіе, пиликаетъ скрипка, меланхолично жужжитъ тихой музыкой лира, а важные волю, прикрывая отъ солнца глаза, сонно жуютъ сѣно подъ эти нестройные звуки; покинуло разноцвѣтные огороды и густыя верболозы съ матово-блѣдной длинной листвою надъ „криницею“, при спускѣ къ затону рѣки, гдѣ въ тихіе вечера въ водѣ что-то стонетъ—глухо и однотонно, словно дуетъ въ пустую бочку; навсегда покинуло родину для далекихъ Уссурійскихъ земель и ушло „на край свѣта“...

Когда на село, расположенное въ долинѣ, легла широкая прохладная тѣнь отъ горы, закрывающей западь, а въ долинѣ, къ горизонту, все зарумянилось отблескомъ заката, зардѣлись рощи, вспыхнули алымъ глянецомъ изгибы рѣки

и за рѣкой, какъ золото, засверкали равнины песковъ,—на селѣ прекратилась суматоха, скрипъ телѣгъ, торопливый, отрывистый говоръ, и народъ, пестрѣющій яркими, праздничными нарядами, собрался на зеленую леваду, къ бѣлой старинной церковкѣ, гдѣ молились еще казаки и чумаки передъ своими далекими походами.

Тамъ, подъ открытымъ небомъ, между нагруженныхъ телѣгъ, въ многолюдной толпѣ, начался молебень, и въ толпѣ воцарилась мертвая тишина. Голосъ священника звучалъ внятно и раздѣльно, и каждое слово молитвы проникало до глубины каждаго сердца...

Много слезъ упало на этомъ мѣстѣ и въ былые дни. Стояли здѣсь когда-то снаряженные въ далекій путь „лыцари“. Они тоже прощались, какъ передъ кончиной, и съ дѣтьми, и съ женами, и не въ одномъ сердцѣ заранѣе звучала тогда величаво-грустная „дума“ о томъ, „якъ на Черному морю, на білому камені сидитъ ясенъ сокілъ білозірець, жалібненько квилить-проквиліає...“ Многихъ изъ нихъ ожидали „кайданы турецкіі, каторга бусурманская“, и „сиви туманы“ въ дорогѣ, и одинокая смерть подъ степнымъ курганомъ, и стаи орловъ сизокрылыхъ, что будутъ „на чорні кудри наступати, зъ лоба очи козацькіі видирати...“ Но тогда надо всѣмъ витала гордая казацкая воля. А теперь стоитъ сѣрая толпа, которую навсегда выгоняетъ на край свѣта не прихоть казацкая, а нищета, эти желтые пески, что сверкаютъ за рѣкою. И какъ на великой панихидѣ, заказанной по самомъ себѣ, тихо стоялъ народъ на молебнѣ съ поникшими, обнаженными головами. Только ласточки звонко щебетали надъ ними, проносясь и утопая въ вечернемъ воздухѣ, въ глубомъ, глубокомъ небѣ...

А потомъ поднялись вопли... И среди гортаннаго говора, плача и криковъ двинулся обозъ по дорогѣ въ гору. Въ послѣдній разъ показался Великій Перевозъ въ родной долині — и скрылся... И самъ обозъ скрылся, наконецъ, за хлѣбами, въ поляхъ, въ блескѣ низкаго вечерняго солнца...

II

Провожавшіе возвращались домой.

Народъ толпами валилъ подъ гору, къ хатамъ. Были и такіе, что только вздохнули и пошли домой торопливо и безпечно... Но такихъ было мало.

Молча, покорно согнувшись, шли старики и старухи; хмурились суровые, хозяйственные мужики; плакали дѣти, которыхъ тащили за маленькія ручки отцы и матери; громко кричали молодая бабы и дивчата.

Вотъ двѣ спускаются подъ гору, по бѣлой каменистой дорогѣ. Одна, крѣпкая, невысокая, хмуритъ брови и разсѣянно смотритъ своими черными серьезными глазами куда-то въ даль, по долині. Другая, высокая, худенькая, плачетъ... Онѣ наряжены по-праздничному, но какъ горько плачетъ дѣвушка, прижимая къ глазамъ рукава сорочки! Спотыкаются сафьяновые сапоги, на которые такъ красиво падаетъ изъ-подъ плахты бѣлоснѣжный подоль...

— Зинька, слухай же!—говоритъ ей подруга быстрымъ умоляющимъ шопотомъ,—хай ему чортъ, чога ты плачешь?

Она никого не провожала — ни родныхъ, ни близкихъ; но и она крѣпко сдвигаетъ черныя брови, чтобы не расплакаться.

— Та слухай!—повторяетъ она.

— Отчепись!—вскрикиваетъ Зинька злобно. Но плечи ея вздрагиваютъ и сквозь слезы она прибавляетъ совѣмъ по дѣтски:

— Охъ, хйба жъ я чаяла!

Звонко, съ неудержимой радостью пѣла она до глубокой ночи, бѣгая на рѣку съ ведрами, когда отецъ Юхыма твердо сказалъ, что не пойдетъ на новыя мѣста! А потомъ...

— Прокинулись сю нічь,—говорилъ Юхымъ растерянно,—прокинулись вони, Зинька, та й кажуть: „Идемо на переселеніе!“ — „Якъ же такъ, тату, вы жъ казали...“ — „Ні, кажуть, я сонъ бачивъ...“

А вот на горѣ, около мельницъ, стоитъ въ толпѣ стариковъ старый Василь Шкутъ. Онъ высокъ, широкоплечъ и сутуль. Отъ всей фигуры его еще вѣетъ степной мощью. Но какое у него скорбное лицо! Ему вотъ-вотъ собираться въ могилу, а онъ уже никогда больше не услышитъ родного слова и помретъ въ чужой хатѣ, и некому будетъ ему глаза закрыть. Передъ смертью оторвали его отъ семьи, отъ дѣтей и внучатъ. Онъ бы дошелъ, онъ еще крѣпокъ, но гдѣ же взять эти семьдесятъ рублей, которыхъ не хватило для разрѣшенія итти на новыя земли?

Старики, разсѣяннo переговариваясь, каждый съ своей думой, стоятъ на горѣ. Они все глядятъ въ ту сторону, куда отбыли земляки.

Ужъ давно не стало видно и послѣдней телѣги. Опустѣла степь. Весело и кротко распѣваютъ, сыплютъ трели жаворонки. Мирно и спокойно догораетъ ясный день. Привольно зеленѣютъ кругомъ хлѣба и травы, далеко-далеко темнѣютъ курганы; а за курганами необъятнымъ полукругомъ простерся горизонтъ, — между землей и небомъ охватываетъ степь полоса голубоватой воздушной бездны, какъ полоса далекаго моря.

— Що воно таке, сей Уссурійскій край? — думаютъ старики, прикрывая глаза отъ солнца, и напрягаютъ воображеніе представить себѣ эту сказочную страну на концѣ свѣта и то громадное пространство, что залегаетъ между ней и Великимъ Перевозомъ, мысленно увидать, какъ тянется длинный обозъ, нагруженный добромъ, бабами и дѣтьми, медленно скрипятъ колеса, бѣгутъ собаки и шагаютъ за обозомъ по мягкой пыльной дорогѣ, пригрѣтой догорающимъ солнцемъ, „дядьки“ въ широкихъ шароварахъ.. Небось, и они все глядятъ въ эту загадочную голубоватую даль:

— Що воно таке, сей Уссурійскій край?

А старый Шкутъ, опершись на палку, надвинувъ на лобъ шапку, представляетъ себѣ возъ сына и съ покорной улыбкой бормочетъ:

— Я ему, бачите, і пилу, і фуганокъ давъ... І якъ хату строить вінъ теперъ знае... Не пропаде!

— Богато людей загинуло! — говорятъ, не слушая его, другіе.—Богато, богато!

III

Темнѣть—и странная тишина царитъ въ селѣ.

Теплыя южныя сумерки неясной дымкой смягчаютъ вечернюю синеву глубокой долины, медленно затушевываютъ эту огромную картину широкой низменности съ темными кущами прибрежныхъ роць, съ тускло блестящими изгибами рѣчки, съ одинокими тополями, что чернѣютъ надъ долиной. Старинный Великій Перевозъ сѣрѣетъ своими скученными хатами въ котловинѣ у подошвы каменистой горы. Смутно, какъ полосы спѣлыхъ ржей, желтѣютъ за рѣкою пески. За песками опять, уже совсѣмъ неясно, темнѣютъ лѣса. И даль становится дымчато-лиловой и сливается съ сумеречными небесами.

Все, какъ всегда, бывало въ этой мирной долині въ лѣтнія сумерки... Но нѣтъ, не все! Много стоитъ хатъ темныхъ, забитыхъ и нѣмыхъ...

Уже почти всѣ разбрелись по домамъ. Пустѣетъ дорога. Медленно идетъ по ней нѣсколько человѣкъ, провожавшихъ переселенцевъ до ближняго перекрестка.

Они чувствуютъ ту внезапную пустоту въ сердцѣ и непонятную тишину вокругъ себя, которая всегда охватываетъ человѣка послѣ тревоги проводовъ, при возвращеніи въ опустѣвшій домъ. Спускаясь подъ гору, они глядятъ на село другими глазами, чѣмъ прежде, — точно послѣ долгой отлучки.

Вотъ разстилается пахучій дымокъ надъ чьей-то хатой... покойно и буднично...

Вотъ красной звѣздочкой, среди темныхъ садовъ, среди скученныхъ дворовъ, загорѣлся огонекъ...

Глядя на огоньки и въ долину, медленно расходятся ста-

рики, и на горѣ, близъ дороги, остаются одни темные вѣтраки съ неподвижно распростертыми крыльями.

Молча идетъ подъ гору, улыбаясь своей странной улыбкой старческаго горя, Василь Шкутъ. Медленно отложилъ онъ калитку, медленно прошелъ черезъ дворикъ и скрылся въ хатѣ.

Хата родная. Но Шкутъ въ ней больше не хозяинъ. Ее купили чужіе люди и позволили ему только „дожить“ въ ней, Это надо сдѣлать поскорѣе...

Въ тепломъ и душномъ мракѣ хаты выжидательно трюкаетъ сверчокъ изъ-за печки... Словно прислушивается... Сонныя мухи гудятъ по потолку... Старикъ, согнувшись, сидитъ въ темнотѣ и безмолвіи.

Что-то онъ теперь думаетъ? Можетъ быть, про то, какъ гдѣ-то тамъ, по смутно бѣлѣющей дорогѣ тихо поскрипываетъ обозъ?—Э, да что про то и думать!

На блѣдно-свинцовомъ фонѣ маленькаго окошечка, выходящаго въ садъ, чернѣютъ силуэты двухъ-трехъ покосившихся намогильныхъ крестовъ. Въ саду, возлѣ хаты, давнымъ-давно почиваютъ вѣчнымъ сномъ почти всѣ его родные... Онъ остался съ ними. Надо поскорѣе къ нимъ, въ ихъ „домовину“, въ дубовую „труну“. Пора на покой, на отдыхъ...

Звонкій дѣвическій голосъ замираетъ надъ селомъ за рѣкою:

Ой, зійди, зійди,
Ясень місяцю!

Глубокое молчаніе. Южное ночное небо въ крупныхъ жемчужныхъ звѣздахъ. Темный силуэтъ неподвижнаго тополя рисуется на фонѣ неба. Подъ нимъ чернѣетъ крыша, бѣлѣютъ стѣны хаты. Звѣзды сіяютъ сквозь листья и вѣтви...

IV

А они еще недалеко.

Они ночуютъ въ степи, подъ роднымъ небомъ, но имъ уже кажется, что они за тысячу верстъ ото всего привычнаго, родного.

Какъ цыганскій таборъ, расположились они у дороги. Распрягли лошадей, сварили ужинъ; то вели безпокойные разговоры, то угрюмо молчали и сторонились другъ друга...

Наконецъ, все стихло.

Въ звѣздномъ свѣтѣ темнѣли беспорядочно скученные возы, виднѣлись фигуры лежащихъ людей и наклоненныхъ къ травѣ лошадей. Сторожевые, съ кнутами въ рукахъ, сонно ежились возлѣ телѣгъ, зѣвали и съ тоской глядѣли въ темную степь...

Но съ какой радостью встрепенулись они, когда услышали скрипъ проѣзжей телѣги! Земляк! Они окружили его, улыбались и жали ему руку, словно не видались много-много лѣтъ.

Разбуженные разговоромъ, подымались съ земли и другіе и, застѣнчиво скрывая свою радость, тоже толпились у телѣги проѣзжаго, закуривали трубки и были готовы говорить хоть до самаго свѣта...

Потомъ опять все затихло.

Взволнованные встрѣчей, засыпали они, закрывая головы свитками, и все думали объ одномъ,—о далекой неизвѣстной странѣ на краю свѣта, о дорогахъ и большихъ рѣкахъ въ пути, о родномъ покинутомъ селѣ...

Холоднѣло. Все спало крѣпкимъ сномъ—и люди и дороги, и межи, и росистые, наклонившіеся хлѣба.

Съ отдаленнаго хутора чуть слышно донесся крикъ пѣтуха. Серпъ мѣсяца, мутно-красный и поникшій на сторону, показался на краю неба. Онъ почти не свѣтилъ. Только небо около него приняло зеленоватый оттѣнокъ, почернѣла степь отъ горизонта, да на горизонтѣ выступило что-то темное. Это были курганы. И только звѣзды и курганы слушали мертвую тишину на степи и дыханіе людей, позабывшихъ во снѣ свое горе и далекія дороги.

Но что имъ, этимъ вѣковымъ молчаливымъ курганамъ до горя или радости какихъ-то существъ, которыя прожили мгновеніе и уступятъ мѣсто другимъ такимъ же—снова волноваться и радоваться и также безслѣдно исчезнуть съ

лица земли? Много ночевавшихъ въ степи обозовъ и становъ, много людей, много горя и радостей видѣли эти курганы.

Однѣ звѣзды, можетъ быть, знаютъ, какъ свято человеческое горе!

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ

На вокзалѣ не было обычной суматохи: наступала святая ночь. Когда прошелъ курьерскій девятичасовой поѣздъ, всѣ служащіе поспѣшили докончить только самыя неотложныя дѣла, чтобы поскорѣе разойтись по квартирамъ, вымыться, надѣть все чистое и въ семьѣ, съ облегченнымъ сердцемъ, дожидаться праздника, отдохнуть хотя не надолго отъ безпорядочной жизни.

Полутемный залъ третьяго класса, всегда переполненный людьми, гуломъ нестройнаго говора, тяжелымъ теплымъ воздухомъ, теперь былъ пустъ и прибранъ. Въ отворенныя окна и двери вѣяло чистой свѣжестью южной ночи. Въ углу восковыя свѣчи слабо озаряли аналой и золотыя иконы, и среди нихъ грустно глядѣлъ темный ликъ Спасителя. Лампада краснаго стекла тихо покачивалась передъ нимъ, по золотому окладу двигались полосы сумрака и свѣта...

Проѣзжимъ мужикамъ изъ голодающей губерніи некуда было пойти приготовиться къ празднику. Они сидѣли въ темнотѣ, на концѣ длинной платформы.

Они чувствовали себя гдѣ-то страшно далеко отъ родныхъ мѣстъ, среди чужихъ людей, подъ чужимъ небомъ. Первый разъ въ жизни имъ пришлось двинуться на „низы“, на дальніе заработки. Они всего боялись и даже передъ носильщиками неловко и торопливо сдергивали свои растрепанныя шапки. Уже второй день томились они скукой,

ожидая, пока къ нимъ выйдетъ тщедушная и горделивая фигурка помощника начальника станціи (они уже успѣли прозвать его „кочеткомъ“) и строго объявить, когда и какой товарный поѣздъ потянетъ ихъ на „Харцызскую“. Со скуки они весь день проспали.

Душный вечеръ разслаблялъ тѣло. Надвигались тучи. Изрѣдка обдавалъ теплый благовонный вѣтеръ запахомъ распускающихся тополей. Не смолкая ни на минуту, неся съ ближняго болота злорадный хохотъ лягушекъ и, какъ всякій непрерывный звукъ, не нарушалъ тишины. Направо едва-едва свѣтилъ далекій закатъ; тускло поблескивая, убѣгали туда рельсы. Налѣво уже стояла синяя темнота. Огонекъ диска висѣлъ въ воздухѣ одинокой зеленовато-блѣдной звѣздой. Оттуда, съ неизвѣстныхъ степныхъ мѣстъ, шла ночь...

— Охъ, должно, не скоро еще!—шопотомъ сказалъ одинъ, полулежащій около вокзальныхъ ведеръ, и протяжно зѣвнулъ.

— Служба-то? — отозвался другой. — Должно не скоро. Теперь не болѣ семи.

— А то и всѣхъ восемь наберется,—добавилъ третій.

Всѣмъ было тяжело. Только одинъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ.

— Ай соскучился? „А-а-а“...—зѣвнулъ онъ, передразнивая перваго говорившаго. — Гляди, ребята, зареветъ еще, пожалуй!

— Будя, Кирюхъ, буровить-то, — серьезно отвѣтилъ первый и дѣловымъ тономъ обратился къ сосѣду:—Парменычъ, поди глянь на часы, ты письменный.

Парменычъ отозвался добрымъ слабымъ голосомъ:

— Не уразумѣю, малый, по тутошнимъ, все сбиваюсь: цѣлыхъ три стрѣлки.

— Да ай не все равно, — опять замѣтилъ Кириллъ насмѣшливо.—Хушь смотри, хушь не смотри—одна честь!

Это былъ молодой мужикъ съ добрымъ толстымъ лицомъ; онъ недавно женился и скучалъ теперь сильно, хотя и скрывалъ тоску въ безпечной позѣ— лежа на животѣ и

раскинувъ ноги въ стороны; только иногда крѣпко вертѣлъ лохматою головою.

Долго молчали, Тучи надвинулись, густая темнота теплой ночи мягко обнимала все. Старикъ открылъ трубку, помялъ пальцемъ краснѣвшій въ ней огонь и на время такъ жарко раскурилъ ее, что смутно освѣтилъ свои сѣдые солдатскіе усы и воротъ зипуна. На мгновеніе выступили изъ мрака и бѣлая рубаха лежащаго на животѣ, и заскорузные, изорванные полушубки двухъ другихъ пожилыхъ мужиковъ. Потомъ онъ закрылъ трубку, попытѣлъ и покосился влѣво, на своего племянника. Тотъ дремалъ. Длинные худыя ноги его, завернутыя въ бѣлыя суконныя портянки, лежали безъ движенія; по очертаніямъ худошаваго тѣла и узкихъ плечъ было видно, что это совсѣмъ еще мальчикъ, истомленный и до времени вытянувшійся на работѣ.

— Федоръ, спишь?—тихо окликнулъ его старикъ.

— Н-нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ сиплымъ голосомъ.

Старикъ ласково наклонился къ нему и, улыбаясь, шопотомъ спросилъ:

— Ай соскучился?

Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу:

— Чего жъ мнѣ скучать?

— Да ну! Ты скажи не бойся.

— Я и такъ не боюсь.

— То-то, молъ, не таись...

Федька молчалъ. Старикъ долго съ задумчивой улыбкой глядѣлъ на его худенькія плечи... потомъ тихонько отвернулся.

Уже и на закатѣ стемнѣло. Контуры вокзальныхъ крышъ едва рисовались на фонѣ ночного неба. Тамъ, гдѣ оно сливалось съ темнотою земли, перекрещивались и мигали зеленые, синіе и красные огоньки. Осторожно лязгая колесами, прокатился мимо платформы паровозъ, освѣтилъ ее краснымъ отблескомъ растопленной печки, около которой, какъ въ тѣсномъ уголкѣ ада, копошились какіе-то черные люди, и все опять потонуло въ темнотѣ. Мужики долго прислушива-

лись, какъ онъ гдѣ-то въ сторонѣ сипѣлъ горячимъ паромъ.

Потомъ издалека гнусаво запѣлъ рожокъ. Изъ темноты и изъ-за разноцвѣтныхъ огней выдѣлился треугольникъ огненныхъ глазъ. Онъ разгорался и приближался медленно-медленно, а за нимъ тянулся длинный, безконечно длинный товарный поѣздъ; подвигаясь все слабѣе, онъ остановился и затихъ. Черезъ минуту что-то завизжало, заскрипѣло, вагоны дрогнули, подались назадъ—и замерли. Раздались чьи-то громкіе голоса и тоже смолкли. Кто-то, невидимый, несъ фонарь, и свѣтлый, кругъ, колебаясь, двигался по землѣ, подъ темной стѣной вагоновъ.

— Тридцать четыре,—сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Кого? Вагоновъ-то? Болѣ будя.

— А, можетъ, и болѣ...

Федька облокотился на руку и долго глядѣлъ на темную массу паровоза, смутно освѣщенную по серединѣ, слушалъ, какъ что-то клокотало и замирало въ немъ, какъ потомъ онъ отдѣлился отъ поѣзда и, облегченно и тяжело вздохнувъ нѣсколько разъ, ушелъ въ темноту, отрывистыми свистками требуя пути... Ничто, ничто не напоминало тутъ праздника!

— Я думалъ, они хушь въ праздникъ-то не ходятъ,—сказалъ Федька.

— Ну да, не ходятъ! Имъ нельзя не ходить...

И слышались несмѣлыя предположенія, что, можетъ быть, съ этимъ-то поѣздомъ ихъ и отправятъ. Тяжело въ такую ночь сидѣть въ темнотѣ товарныхъ вагоновъ, да ужъ все одно, лучше бы отправили!

Старикъ заговорилъ о „Харцызской“. Но впереди была полная неизвѣстность: и гдѣ эта „Харцызская“, и когда они приѣдутъ туда, и какая будетъ работа, да и будетъ ли еще? Вотъ, если бы земляковъ встрѣтить, которые направили бы на хорошее мѣсто! А то, пожалуй, опять придется сидѣть гдѣ-нибудь въ томительномъ ожиданіи, запивать сухой хлѣбъ теплой водой изъ вокзальной кадки... И тоска, тревога сно-

ва овладѣла всѣми. Даже Кириллъ заворочался, безпокойно зачесался, сѣлъ и опустилъ голову.

— И чего тутъ остались?—послышался одинъ неувѣренный голосъ.—Хошь бы въ городъ пошли—авось, всего версты четыре... либо въ монастырь...

— А ну какъ сейчасъ велеть садиться?—угрюмо отвѣтилъ Кириллъ.—Его пропустишь, а тамъ и сиди опять десять день.

— Надо пойтить, спросить...

— Спросить? У кого?

— Да у начальника...

— И правда, пожалуй...

— Да его теперь, небось, нѣту...

— Ну, кто-нибудь за него...

— Служба-то и тутъ такая же будетъ,—проговорилъ Кириллъ попрежнему угрюмо.

— Не такая же, короткая, сказывали, будетъ... И разговѣться нечѣмъ...

— А какъ совсѣмъ пойдешь Христа ради?

И всѣ съ тоской поглядѣли на вокзальныя постройки, гдѣ свѣтились окна, гдѣ въ каждой семьѣ шли приготовленія къ празднику.

— Дни-то, дни-то какіе!—со вздохомъ слабымъ, задушевымъ голосомъ сказалъ старикъ.—А мы, какъ татаре какіе, и въ церкви ни разу не были!

— Ты бы теперь ужъ на клиросѣ читалъ, дѣдушка...

Но старикъ не слыхалъ этихъ мягко и грустно сказанныхъ словъ. Онъ сидѣлъ и бормоталъ въ раздумьи:

„Предходятъ сему лица Ангельстїи со всякимъ началомъ и властью... лице закрывающе и вопіюще пѣснь аллилуїя...“

И, помолчавъ, прибавилъ увѣреннѣе, глядя въ одну точку передъ собою:

„Воскресни, Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ...“

Всѣ упорно молчали.

Всѣ думали объ одномъ, всѣхъ соединяла одна грусть,

одни воспоминанія. Вотъ наступаетъ вечеръ, наступаетъ сдержанная суматоха послѣднихъ приготовленій къ церкви. На дворахъ запрягаютъ лошадей, ходятъ мужики въ новыхъ сапогахъ и еще распоясанныхъ рубахахъ, съ мокрыми, расчесанными волосами; полунаряженные дѣвки и бабы то и дѣло перебѣгаютъ отъ избы къ пунькамъ, въ избахъ завязываютъ въ платки куличи и пасхи... Потомъ деревня остается пустою и тихою... Надъ темной чертой горизонта, на фонѣ заката, видны силуэты идущихъ и ѣдущихъ на село... На селѣ, около церкви, поскрипываютъ въ темнотѣ подѣзжающія телѣги; церковь освѣщается... Въ церкви уже идетъ чтеніе, уже тѣснота и легкая толкотня, пахнетъ восковыми свѣчами, новыми полушубками и свѣжими ситцами... А на паперти и на могилахъ, съ другой стороны церкви, темнѣютъ кучки народа, слышатся сдержанные голоса...

Вдругъ гдѣ-то далеко ударили въ колоколь. Мужики зашевелились, разомъ поднялись и, крестясь, обнаживъ головы, до земли поклонились на востокъ.

— Оедоръ! Вставай!—взволнованно пробормоталъ старикъ.

Мальчикъ вскочилъ и закрестился быстро и нервно. Засуетились и прочіе, торопливо накидывая на плечи котомки.

За окнами вокзала уже трепетали огни восковыхъ свѣчей. Золотыя иконы сливались съ золотымъ ихъ блескомъ. Залъ третьяго класса наполнялся служащими, рабочими. Мужики стали на платформѣ, у дверей, не смѣя войти.

Поспѣшно прошелъ молодой священникъ съ причтомъ и сталъ облачаться въ свѣтлыя ризы, шуршащія газетомъ; онъ что-то говорилъ и зорко вглядывался въ полусумракъ наполнявшагося народомъ зала. Зажигаемыя свѣчи осторожно потрескивали, вѣтерокъ колебалъ ихъ огни. А изъ далека, подъ темнымъ ночнымъ небомъ, лился густой звонъ.

„Воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси...“—торопясь, началъ священникъ звонкимъ теноромъ.

И какъ только онъ сказалъ это, вся толпа заволновалась, задвигалась, крестясь и кланяясь, и сразу стало свѣтлѣе въ

залѣ, на всѣхъ лицахъ засіялъ теплый отблескъ восковыхъ свѣчей, загорѣвшихся во всѣхъ рукахъ.

Одни мужики стояли въ темнотѣ. Они опустили на колѣни и торопливо крестились, то надолго припадая лбами къ порогу, то жадно и скорбно смотря въ глубину освѣщеннаго зала, на огни и иконы, поднявъ свои худыя лица съ пепельными губами, свои голодные глаза...

— Воскресни, Боже, суди земли!

ТАНЬКА

Танькѣ стало холодно, и она проснулась.

Высвободивъ руку изъ попонки, въ которую она неловко закуталась ночью, Танька вытянулась, глубоко вздохнула и опять сжалась. Но все-таки было холодно. Она подкатилась подъ самую „голову“ печи и прижала къ ней Ваську. Тотъ открылъ глаза и взглянулъ такъ свѣтло, какъ смотрятъ со сна только здоровыя дѣти. Потомъ повернулся на бокъ и затихъ. Танька тоже стала задремывать. Но въ избѣ стукнула дверь: мать, шурша, протаскивала изъ сѣнець охапку соломы.

— Холодно, тетка?—спросилъ странникъ, лежа на коникѣ.

— Нѣтъ,— отвѣтила Марья,— туманъ. А собаки валяются,— безпремѣнно къ метели.

Она искала спичекъ и гремѣла ухватами.

Странникъ спустилъ ноги съ коника, зѣвалъ и обувался.

Въ окна брезжилъ синеватый холодный свѣтъ утра; подъ лавкой шипѣлъ и крякалъ проснувшійся хромой селезень. Теленокъ поднялся на слабыя растопыренныя ножки, судорожно вытянулъ хвостъ и такъ глупо и отрывисто мякнулъ, что странникъ засмѣялся и сказалъ:

— Сиротка! Корову-то прогусарили?

— Продали.

— И лошади нѣту?

— Продали.

Танька раскрыла глаза.

Продажа лошади особенно врѣзалась ей въ память. „Когда еще картохи копали“, въ сухой, вѣтреныи день, мать на полѣ полудневала, плакала и говорила, что ей „кусочекъ въ горло не идетъ“, и Танька все смотрѣла на ея горло, не понимая, о чемъ толкъ.

Потомъ въ большой крѣпкой телѣгѣ съ высокимъ передкомъ приѣзжали „анчихристы“. Оба они были похожи другъ на дружку—черны, засалены, подпоясаны по кострецамъ. За ними пришелъ еще одинъ, еще чернѣе, съ палкой въ рукѣ, что-то громко кричалъ и немного погодя вывелъ со двора лошадь и побѣжалъ съ нею по выгону; за нимъ бѣгалъ отецъ, и Танька думала, что онъ погнался отнимать лошадь, догналъ и опять увелъ ее во дворъ. Мать стояла на порогѣ избы и голосила. Глядя на нее, заревѣлъ во все горло и Васька... Потомъ „черный“ опять вывелъ со двора лошадь, привязалъ ее къ телѣгѣ и рысью поѣхалъ подъ гору... И отецъ уже не погнался...

„Анчихристы“, лошадниники-мѣщане, были, и, правда, свирѣпы на видъ, особенно послѣдній—Талдыкинъ. Онъ пришелъ позднѣе, а до него два первые только цѣну сбивали. Они на перебой пытали лошадь, драли ей морду, били палками.

— Ну,—кричалъ одинъ,—смотри сюда, получай съ Богомъ деньги!

— Не мои онѣ, побереги, полцѣны брать не приходится,—уклончиво отвѣчалъ Корнѣй.

— Да какая же это полцѣна, ежели къ примѣру, кобыленкѣ болѣ годовъ, чѣмъ намъ съ тобой? Молись Богу!

— Что зря толковать,—разсѣянно возражалъ Корнѣй.

Тутъ-то и пришелъ Талдыкинъ, здоровый, толстый мѣщанинъ съ физиономіей мопса: блестящіе, злые черные глаза, форма носа, скулы—все напоминало въ немъ эту собачью породу.

— Что за шумъ, а драки нѣту?—сказалъ онъ, входя и улыбаясь, если только можно назвать улыбкой раздуваніе ноздрей.

Онъ подошелъ къ лошади, остановился и долго равнодушно молчалъ, глядя на нее. Потомъ повернулся, небрежно сказалъ товарищамъ: „поскорѣйча, ѣхать время, я на выгонѣ дождю“—и пошелъ къ воротамъ.

Корнѣй нерѣшительно окликнулъ:

-- Что жъ не глянулъ лошадь-то?

Талдыкинъ остановился.

— Долгаго взгляда не стоить,—сказалъ онъ.

— Да ты поди, побалакаемъ...

Талдыкинъ подошелъ и сдѣлалъ лѣнвые глаза.

— Ну?

Онъ внезапно ударилъ лошадь подъ брюхо, дернулъ ее за хвостъ, пощупалъ подъ лопатками, понюхалъ руку и отошелъ.

— Плоха?—стараясь шутить, спросилъ Корнѣй.

Талдыкинъ хмыкнулъ.

— Долголѣтня?

— Лошадь не старая.

— Такъ. Значить, первая голова на плечахъ?

Корнѣй смутился.

Талдыкинъ быстро всунулъ кулакъ въ уголь губъ лошади, взглянулъ какъ бы мелькомъ ей въ зубы и, обтирая руку о полу, насмѣшливо и скороговоркой спросилъ:

— Такъ не стара? Твой дѣдъ не ѣздилъ вѣнчаться на ней?.. Ну, да намъ сойдетъ, получай одиннадцать желтенькихъ.

И, не дожидаясь отвѣта Корнѣя, досталъ деньги и взялъ лошадь за обротъ.

— Молись Богу, да полбутылочки ставь.

— Что ты, что ты?—обидѣлся Корнѣй.—Ты безъ креста, дядя!

— Что?—воскликнулъ Талдыкинъ грозно.—Денегъ не жалеешь? Бери, пока дуракъ попадается, бери, говорятъ тебѣ!

— Да какія же это деньги?

— Такія, какихъ у тебя нѣту.

— Нѣтъ, ужъ лучше не надо...

— Ну, черезъ нѣкоторое число за семь отдашь, съ удовольствіемъ отдашь,—вѣрь совѣсти...

Корнѣй отошелъ, взявъ топоръ и съ дѣловымъ видомъ сталъ тесать подушку подъ телѣгу.

Потомъ пробовали лошадь на выгонѣ... И какъ ни хитрилъ Корнѣй, какъ ни сдерживался, не отвоевалъ-таки!

Когда же пришелъ октябрь, и въ посинѣвшемъ отъ холода воздухѣ замелькали, повалили бѣлые хлопья, заноса выгонъ, лазины и завалинку избы,—Танькѣ каждый день пришлось удивляться на мать.

Бывало, съ началомъ зимы, для всѣхъ ребятишекъ начались истинныя мученія, проистекавшія, съ одной стороны, отъ желанія удрать изъ избы, пробѣжать по поясъ въ снѣгу черезъ лугъ и, катаясь на ногахъ по первому синему льду пруда, бить по немъ палками и слушать, какъ онъ гульнаетъ, а съ другой стороны—отъ грозныхъ окриковъ матери:

— Ты куда? Чичеръ, холодъ—а она, накось! Съ мальчишками на прудъ! Сейчасъ лѣзь на печь, а то смотри у меня, демоненокъ!

Бывало, съ грустью приходилось довольствоваться тѣмъ, что на печь протягивалась чашка съ дымящимися разсыпчатыми картошками и ломоть пахнущаго клѣтью, круто посоленнаго хлѣба. Теперь же мать совсѣмъ не давала по утрамъ ни хлѣба, ни картошекъ, на просьбы объ этомъ отвѣчала:

— Иди, я тебя одѣну, ступай на прудъ, дѣточка!

Прошлую зиму Танька и даже Васька ложились спать поздно и могли спокойно наслаждаться сидѣньемъ на „групкѣ“ печки хоть до полуночи. Въ избѣ стоялъ распаренный густой воздухъ; на столѣ горѣла лампочка безъ стекла, и копоть темнымъ, дрожащимъ фитилемъ достигала до самаго потолка. Около стола сидѣлъ отецъ и шилъ полушубки; мать чинила рубахи или вязала варежки, наклоненное лицо ея въ это время было кротко и ласково. Тихимъ голосомъ пѣла она старинныя пѣсни, которыя слыхала еще въ дѣвичество,

и Танькѣ часто хотѣлось отъ нихъ плакать. Въ темной избѣ, завѣянной снѣжными вьюгами, вспоминалась Марьѣ ея молодость, вспоминались жаркіе снѣнокосы и вечернія зори, когда шла она въ дѣвичьей толпѣ полевой дорогой, съ звонкими пѣснями, а за ржами опускалось солнце и золотую пылью сыпался сквозь колосья его догорающій отблескъ... Пѣсней говорила она дочери, что и у нея будутъ такія же зори, будетъ все, что проходитъ такъ скоро—и надолго, надолго смѣняется деревенскимъ горемъ и заботою...

Когда же мать собирала ужинать, Танька, въ одной длинной рубашонкѣ, съерзывала съ печи и, часто перебирая бо-сыми ножками, бѣжала на коникъ, къ столу. Тутъ она, какъ звѣрокъ, садилась на корточки и быстро ловила въ густой похлебкѣ сальцо и закусывала огурцами и картошками. Толстый Васька ѣлъ медленно и тарачилъ глаза, стараясь всунуть въ ротъ большую ложку.. Послѣ ужина она съ тугимъ животомъ также быстро перебѣгала на печь, дралась изъ-за мѣста съ Васькой и, когда въ темныя оконца смотрѣла одна морозная ночная муть, засыпала сладкимъ сномъ подѣ молитвенный шопотъ матери: „Угодники Божіи, святителю Никола милосливый, столпъ-охраненіе людей, Матушка Пресвятая Пятница—молите Бога за насъ! Хрестъ въ головахъ, хрестъ у ногахъ, хрестъ отъ лукаваго...“

Теперь мать рано укладывала спать, говорила, что ужинать нечего и грозила „глаза выколоть“, „слѣпымъ въ сумку отдать“, если она, Танька, спать не будетъ. Танька часто ревѣла и просила „хоть капустки“, а спокойный насмѣшливый Васька лежалъ, дралъ ноги вверхъ и ругалъ мать;

— Вотъ домовой-то,—говорилъ онъ серьезно,—все спи, да спи!.. Дай бати дождать!

Батя ушелъ еще съ Казанской, былъ дома только разъ, говорилъ, что вездѣ „бѣда“, полушубковъ не шьютъ, больше помираютъ,— что онъ только чинить кое-гдѣ у богатыхъ мужиковъ... Правда, въ тотъ разъ ѣли селедки, и даже „вотъ такой-то кусокъ“ соленого судака батя принесъ въ тряпочкѣ: „на кстинахъ, говорить, былъ третьяго дня, вамъ, ребята,

спряталь...“ Но когда батя ушелъ, совсѣмъ почти ѣсть перестали...

Странникъ обулся, умылся, помолился Богу; широкая его спина въ засаленномъ кафтанѣ, похожемъ на подрясникъ, сгибалась только въ поясницѣ, крестился онъ широко. Потомъ расчесалъ бородку-клинушекъ и выпилъ изъ бутылочки, которую досталъ изъ своего походнаго ранца. вмѣсто закуски закурилъ цыгарку. Умытое лицо его было широко, желто и плотно, носъ вздернутъ, глаза глядѣли остро и удивленно.

— Что жъ, тетка—сказалъ онъ,— даромъ солтому-то жжешь, варева не ставишь?

— Что варить-то?—спросила Марья отрывисто.

— Какъ что? Ай нечего?

— Вотъ домовой-то...—пробормоталъ Васька.

Марья заглянула на печку:

— Ай проснулся?

Васька сопѣлъ спокойно и ровно.

Танька прижукнулась.

— Спать,—сказала Марья, сѣла и опустила голову.

Странникъ исподлобья долго глядѣлъ на нее и сказалъ:

— Горевать, тетка, нечего.

Марья молчала.

— Нечего.—повторилъ странникъ.— Богъ дастъ день, Богъ дастъ пищу. У меня, братъ, ни крова, ни дома, пробираюсь бережками и лужками, рубежами и межами, да по задворкамъ—и ничего себѣ... Эхъ, не ночевала ты на снѣжку подѣ ракитовымъ кустомъ—вотъ что!

— Не ночевалъ и ты,—вдругъ рѣзко отвѣтила Марья и глаза ея заблестѣли,—съ ребятами съ голодными, не слыхалъ, какъ голосятъ они во снѣ съ голоду! Вотъ, что я имъ суну сейчасъ, какъ встануть? Всѣ двory еще до разсвѣту обѣгала, Христомъ Богомъ просила,—одну краюшечку добыла... и то, спасибо, Козель даль... у самого, говорить, обо-

рочки на лапти не осталось... А вѣдь ребятъ-то жалко — въ отдѣлку сморились..

Голосъ Марья зазвенѣлъ.

— Я вонь,—продолжала она, все больше волнуясь,— гоню ихъ каждый день на прудь... „Да капустки, дай картошекъ...“ А что я дамъ? Ну, и гоню: „Иди, молъ, поиграй, дѣточка, побѣгай по ледочку...“

Марья всхлипнула, но сейчасъ же дернула по глазамъ рукавомъ, поддала ногой кѣтенка („У, погибели на тебя нѣту!“) и стала усиленно сгребать на полу солому.

Танька замерла. Сердце у нея стучало. Ей хотѣлось заплакать на всю избу, побѣжать къ матери, прижаться къ ней... Но вдругъ она придумала другое. Тихонько поползла она въ уголь печки, торопливо, оглядываясь, обулась, закутала голову платкомъ, съерзнула съ печки и шмыгнула въ дверь.

„Я сама уйду на прудь, не буду просить картохъ, вотъ она и не будетъ голосить,—думала она, спѣшно перелѣзая черезъ сугробъ и скатываясь въ лугъ.—Ажъ къ вечеру приду...“

По дорогѣ изъ города ровно скользили, плавно раскатываясь вправо и влѣво, легкіе „козырьки“; меренокъ шелъ въ нихъ лѣнивой рысцою. Около саней легонько бѣжалъ молодой мужикъ въ новомъ полушубкѣ и одервенѣвшихъ отъ снѣгу нагольныхъ сапогахъ, господскій работникъ. Дорога была раскатистая, и ему поминутно приходилось, завидѣвъ опасное мѣсто, соскакивать съ передка, бѣжать нѣкоторое время и затѣмъ успѣть задержать собой на раскатѣ сани и снова вскочить бочкомъ на облучокъ.

Въ саняхъ сидѣлъ сѣдой старикъ, съ нависшими бровями, баринъ Павелъ Антонычъ. Уже часа четыре смотрѣлъ онъ въ теплый, мутный воздухъ зимняго дня и на придорожныя вѣшки въ инеѣ.

Давно ѣздилъ онъ по этой дорогѣ... Послѣ Крымской кампаніи, проигравъ въ карты почти все состояніе, Павелъ

Антонычъ навсегда поселился въ деревнѣ и сталъ самымъ усерднымъ хозяиномъ. Но и въ деревнѣ ему не посчастливилось. Умерла жена... Потомъ пришлось отпустить крѣпостныхъ... Потомъ проводить въ Сибирь сына студента... И Павелъ Антонычъ сталъ совсѣмъ затворникомъ. Онъ втянулся въ одиночество, въ свое скупое хозяйство, и говорили, что во всей округѣ нѣтъ челоуѣка болѣе жаднаго и угрюмаго. А сегодня онъ былъ особенно угрюмъ.

Морозило, и за снѣжными полями, на западѣ, тускло просвѣчивая сквозь тучи, желтѣла заря.

— Погоняй, потрогивай, Егоръ,—сказалъ Павелъ Антонычъ отрывисто.

Егоръ задергалъ вожжами.

Онъ потерялъ кнутъ и искоса оглядывался.

Чувствуя себя неловко, онъ сказалъ:

— Чтой-то Богъ дастъ намъ на весну въ саду: прививочки, кажись, всѣ цѣлы, ни одного, почитай, морозомъ не тронуло.

— Тронуло, да не морозомъ,—отрывисто сказалъ Павелъ Антонычъ и шевельнулъ бровями.

— А какъ же?

— Обѣдены.

— Зайцы-то? Правда, провалиться имъ, обѣли кое-гдѣ.

— Не зайцы обѣли.

Егоръ робко оглянулся.

— А кто жъ?

— Я обѣлъ.

Егоръ поглядѣлъ на барина въ неудомѣннѣ.

— Я обѣлъ,—повторилъ Павелъ Антонычъ и, помолчавъ, пояснилъ:

— Кабы я тебѣ, дураку, приказалъ ихъ какъ слѣдуетъ закутать и замазать, такъ были бы цѣлы... Значить, я обѣлъ.

Егоръ растянулъ губы въ неловкую улыбку.

— Чего оскаляешься-то? Погоняй!

Егоръ, роясь въ передкѣ, въ соломѣ, пробормоталъ:

— Кнутъ-то, кажись, соскочилъ, а кнутовище...

— А кнутовище? — строго и быстро спросил Павелъ Антонычъ.

— Переломился...

И Егоръ, весь красный, досталъ надвое переломленное кнутовище. Павелъ Антонычъ взялъ двѣ палочки, посмотрѣлъ и сунулъ ихъ Егору.

— На тебѣ два, дай мнѣ одинъ. А кнутъ — онъ, братъ, ременный — вернись, найди.

— Да онъ, можетъ... около городу.

— Тѣмъ лучше. Въ городѣ купишь. Ступай. Придешь пѣшкомъ. Одинъ доѣду.

Егоръ хорошо зналъ Павла Антоныча. Онъ слѣзъ съ передка и пошелъ назадъ по дорогѣ.

А Танька, благодаря этому, ночевала въ господскомъ домѣ.

Да, въ кабинетѣ Павла Антоныча былъ придвинутъ къ лежанкѣ столъ, и на немъ тихо звенѣлъ самоваръ. На лежанкѣ сидѣла Танька, около нея Павелъ Антонычъ. Оба пили чай съ молокомъ.

Танька запотѣла, глазки у нея блестѣли ясными звѣздочками, шелковистые бѣленькіе ея волосики были причесаны на косой рядъ, и она походила на мальчика. Сидя прямо, она пила чай отрывистыми глотками и сильно дула въ блюдечко. Павелъ Антонычъ ѣлъ крендели, и Танька тайкомъ наблюдала, какъ у него двигаются низкія сѣрыя брови, шевелятся пожелтѣвшіе отъ табаку усы и смѣшно, до самаго виска ходятъ челюсти.

Будь съ Павломъ Антонычемъ работникъ, этого бы не случилось. Но Павелъ Антонычъ ѣхалъ по деревнѣ одинъ. На горѣ катались мальчишки. Танька стояла въ сторонѣ и, засунувъ въ ротъ посинѣвшую ручку, грѣла ее. Павелъ Антонычъ остановился.

— Ты чья? — спросилъ онъ.

— Корнѣева, — отвѣтила Танька, повернулась и бросилась бѣжать.

— Пстой, пстой, — закричалъ Павелъ Антонычъ, — я отца видѣлъ, гостинчика привезъ отъ него.

Танька остановилась.

Ласковой улыбкой и обѣщаніемъ „прокатить“ Павелъ Антонычъ заманилъ ее въ сани и повезъ. Дорогой Танька совсѣмъ было ушла. Она сидѣла у Павла Антоныча на колѣняхъ. Лѣвой рукой онъ захватилъ ее вмѣстѣ съ шубой. Танька сидѣла, не двигаясь. Но у воротъ усадьбы вдругъ ерзула изъ шубы, даже заголилась вся, и ноги ея повисли за санями. Павелъ Антонычъ успѣлъ подхватить ее подъ мышки и опять началъ уговаривать. Все теплѣе и теплѣе становилось въ его старческомъ сердцѣ, когда онъ куталъ въ мѣхъ оборваннаго, голоднаго и иззябшаго ребенка. Богъ знаетъ, что онъ думалъ, но брови его шевелились все живѣе...

Въ домѣ онъ водилъ Таньку по всѣмъ комнатамъ, заставлялъ для нея играть часы. Слушая ихъ, Танька хохотала, а потомъ настороживалась и глядѣла удивленно: откуда эти тихіе перезвоны и рулады идутъ? Потомъ Павелъ Антонычъ накормилъ ее черносливомъ. Танька сперва не брала: „онъ чернищій, нуко-сь умрешь“, далъ ей нѣсколько кусковъ сахара. Танька спрятала и думала:

— Васькѣ не дамъ, а какъ мать заголоситъ, ей дамъ.

Павелъ Антонычъ причесалъ ее, подпоясалъ голубенькимъ пояскомъ. Танька тихо улыбалась, всташила поясокъ подъ самыя мышки и находила это очень красивымъ. На разспросы она отвѣчала иногда очень поспѣшно, иногда молчала и мотала головой.

Въ кабинетѣ было тепло. Въ дальнихъ темныхъ комнатахъ четко стучалъ маятникъ. Танька прислушивалась, но уже не могла одолѣть себя. Въ головѣ у нея роились сотни смутныхъ мыслей; но онѣ уже облекались соннымъ туманомъ.

Вдругъ на стѣнѣ слабо дрогнула струна на гитарѣ и пошелъ тихій звукъ.

— Опять?— сказала она, поднимая брови, соединяя часы и гитару въ одно.

Улыбка освѣтила суровое лицо Павла Антоныча, и давно уже не озарялось оно такою добротою, такою старчески-дѣтскою радостью.

— Погоди,— шепнулъ онъ, снимая со стѣны гитару.

Сперва онъ сыгралъ „Качучу“, потомъ „Маршъ на бѣгство Наполеона“ и перешелъ на „Зореньку“:

Заря ль моя, зоренька,
Заря ль моя ясная!

Онъ глядѣлъ на задремывающую Таньку и ему стало казаться, что это она, уже молодою деревенской красавицей, поеть вмѣстѣ съ нимъ пѣсни:

По зарѣ-зарѣ
Играть хочется!

Деревенской красавицей! А что ждать ее? Что выйдетъ изъ ребенка, повстрѣчавшагося лицомъ къ лицу съ голодной смертью?

Павель Антонычъ нахмурилъ брови, крѣпко захватилъ струны...

Вотъ теперь его племянницы во Флоренціи... Танька и Флоренція!

Онъ всталъ, тихонько поцѣловалъ Таньку въ голову, пахнущую курной избой.

И пошелъ по комнатѣ, шевеля бровями.

Онъ вспомнилъ сосѣднія деревушки, вспомнилъ ихъ обитателей. Сколько ихъ, такихъ деревушекъ, — и вездѣ онѣ томятся отъ голода!

Павель Антонычъ все быстрѣе ходилъ по кабинету, мягко ступая валенками, и часто останавливался передъ портретомъ сына...

А Танькѣ снился садъ, по которому она вечеромъ ѣхала къ дому. Сани тихо бѣжали въ чащахъ, опушенныхъ, какъ бѣлымъ мѣхомъ, инеемъ. Сквозь нихъ роились, трепетали и потухали огоньки. голубые, зеленые—звѣзды... Кругомъ сто-

или какъ будто бѣлыя хоромы, иней сыпался на лицо и щекоталъ щеки, какъ холодный пушокъ... Снился ей Васька, часовые рулады, слышалось, какъ мать не то плачетъ, не то поеть въ темной дымной избѣ старинныя пѣсни...

КАСТРЮКЪ

I

Внезапно выскочивъ изъ-за крайней избы, съ полевой дороги, во всю прыть маленькихъ лошадокъ летѣли по деревенской улицѣ барчуки изъ Залѣснаго. Подпрыгивая и хватаясь за холки, они гнались вперегонки, и вѣтеръ пузырями надувалъ на ихъ спинахъ ситцевыя рубашки. Теленокъ шарахнулся отъ нихъ въ сѣнцы, куры и впереди нихъ пѣтухъ, присѣдая къ землѣ, неслись куда глаза глядятъ. Но отчаяннѣе всѣхъ улепетывала по деревенской улицѣ маленькая бѣлоголовая дѣвочка въ одной рубашонкѣ. Обезумѣвъ отъ страха, она вскочила на огороды, нѣсколько разъ съ размаху упала по дорогѣ и вдругъ увидала въ воротахъ риги дѣдушку. Съ звонкимъ крикомъ бросилась она въ его колѣни.

— Что ты, что ты, дурочка?—закричалъ и дѣдъ, ловя ее за рубашку.

— Барчуки... на жеребцахъ! — захлебываясь отъ слезъ, едва могла выговорить внучка.

Дѣдъ усадилъ ее на колѣни, началъ уговаривать.

Внучка скоро затихла и, изрѣдка всхлипывая, обиженнымъ, вздрагивающимъ голосомъ начала рассказывать, какъ было дѣло.

Поглаживая ее по головѣ, дѣдъ задумчиво улыбался.

Въ ригѣ было прохладно и уютно. Въ мягкую темноту ея изъ глубины яснаго весенняго неба влетали ласточки и съ чиликаньемъ садились на переметы, на сани, сложенные въ уголь риги. Все было ясно и мирно кругомъ—и на деревнѣ, и въ далекихъ зазеленѣвшихъ поляхъ. Утреннее солнце мягко пригрѣло землю, и по-весеннему дрожалъ вдали тонкій паръ надъ ней. Тамъ, въ поляхъ, подымалась пашня, блестяще черные грачи перелетали около сохъ. Здѣсь, на деревнѣ, въ холодкѣ отъ избъ, только дѣвочки тоненькими голосками напѣвали пѣсни, сидя на травѣ за коклюшками. Кромѣ ребятшекъ и стариковъ, всѣ были въ полѣ—даже всѣ Орелки, Буянки и Шарики.

Дѣдъ сегодня первый разъ за всю жизнь остался дома на стариковскомъ положеніи. Старуха померла мясоѣдомъ. Самъ онъ пролежалъ всю раннюю весну и не видалъ, какъ деревня уѣхала на первыя полевыя работы. Къ концу Фоминой онъ сталъ выходить, но еще и теперь не поправился какъ слѣдуетъ. И вотъ, всѣми обстоятельствами деревенской жизни, вынужденъ онъ проводить самое дорогое для работы утро дома!

— Ну, Кастрюкъ (дѣда всѣ такъ звали на деревнѣ, потому что, выпивши, онъ любилъ пѣть про Кастрюка старинныя веселыя прибаутки),—ну, Кастрюкъ,—говорилъ ему на зарѣ сынъ, выравнивая гужи на сохѣ, между тѣмъ какъ его баба зашпиливала веретье на возу съ картошками,—не тужи тутъ, поглядывай обаполь дому да за Дашкой-то... Кабы ее телушка не забрухала...

Дѣдъ, безъ шапки, засунувъ руки въ рукава полушубка, стоялъ около него.

— Кому Кастрюкъ—тебѣ дяденька,—говорилъ онъ съ разсѣянной улыбкой.

Сынъ, не слушая, затыгивалъ зубами веревку и продолжалъ дѣловымъ тономъ:

— Твое дѣло, братъ, теперь стариковское. Да и горевать-то, почестъ, не по чемъ: оно только съ виду сладко хрипъ то гнуть.

— Да ужъ чего лучше!—отвѣчалъ дѣдъ машинально.

Когда сынъ уѣхалъ, онъ сходилъ зачѣмъ-то въ пуньку, потомъ передвинулъ въ тѣнь водовозку—все искалъ себѣ дѣла. То онъ бережливо, согнувъ старую спину, сметалъ муку въ закромѣ, то тамъ и сямъ тюкалъ топоромъ... Въ ригѣ онъ сѣлъ и пристально чистилъ трубку мѣдной капашкой. Иногда ворчалъ:

— Долго ли пролежалъ,—глядь, ужъ вездѣ безпорядокъ. А умри—и все прахомъ пойдетъ!

Иногда старался подбодрить себя. „Небось“!—говорилъ онъ кому-то съ задоромъ и значительно; иногда подергивалъ плечами и съ ожесточеніемъ выговаривалъ: Былъ конь, да уѣздили... Но чаще опускалъ голову.

Закипѣли въ колодезяхъ воды,
Заболѣло во молодца сердце—

напѣвалъ онъ, и ему вспоминалось прежде, мысли тянулись къ тому времени, когда онъ былъ хозяиномъ, работникомъ, молодымъ и выносливымъ... Глядя внучку по головѣ, онъ съ любовью перебиралъ въ памяти, что въ такой-то годъ, въ эту пору онъ сѣялъ, и съ кѣмъ выходилъ въ поле, и какая была у него тогда кобыла.

Внучка шопотомъ предложила пойти наломать вѣничковъ, про которые мать уже давно толковала. Дѣдъ легкомысленно забылъ про пустую избу и, взявъ за руку внучку, повелъ ее за деревню. Идя по мягкой, давно неѣзженной полевой дорогѣ, они незамѣтно отошли отъ деревни съ версту и принялись ломать полынь.

Вдругъ Дашка встрепенулась.

— Дѣдушка, — глянь-ка! — заговорила она быстро и нараспѣвъ,—глянь-ка! Ахъ, ма-а-тушки!

Дѣдъ глянулъ и увидалъ бѣгущій въ дали поѣздъ. Онъ торопливо подхватилъ внучку на руки и вынесъ ее на бугорокъ, а она тянулась у него съ рукъ и радостно твердила:

— Дѣдушка! Рысью, рысью!

Поѣздъ разрастался и подъ уклонъ работалъ все быстрее. весь блестя на солнцѣ. Долго и напряженно глядѣла Дашка на бѣгущіе вагоны.

— Должно, къ завтраму пріѣдетъ, — сказала она въ раздумьи.

Блестя трубой, цилиндрами, мелькающимъ поршнемъ, колесами, поѣздъ тяжелымъ взмахомъ урагана пронесся мимо, завернулъ и, мелькнувъ заднимъ вагономъ, сталъ сокращаться и пропадать вдали. Жаворонки пѣли въ тепломъ воздухѣ... Весело и важно кагакали грачи... Цвѣли цвѣты въ травѣ около линіи... Спутанный меренокъ, пофыркивая, щипаль подорожникъ, и дѣдъ чувствовалъ, какъ даже мерину хорошо и привольно на весеннемъ корму, въ это ясное утро.

— Здорово, сударушка, — закричалъ онъ, завидѣвъ идущаго по рельсамъ сторожа-солдата. — „Здравія желаемъ, ваше благородіе!“ — прибавилъ онъ, чтобы поддѣлаться къ солдату и поболтать немного.

— Здравствуй, — сказалъ солдатъ сухо, не вынимая изъ рта трубки.

— Иди, сударушка, покуримъ, — продолжалъ дѣдъ, — погудорь съ Кастрюкомъ. Я, братъ, нонѣ тоже замѣсть часового приставлень.

— Я путь должонъ обревизовать къ прибытію второго номера, — отвѣтилъ сторожъ и, наклонившись, тюкнулъ молоткомъ по рельсѣ и пошелъ дальше.

Дѣдъ застѣнчиво улынулся и крикнулъ солдату вдогонку:

— А то погодилъ бы!

Солдатъ не обернулся.

По дорогѣ назадъ дѣдъ поболталъ съ пастухами и полюбовался на стадо.

— Дюже хороши нонѣ корма будутъ! — сказалъ онъ.

— Хороши, — отвѣтилъ подпасокъ и вдругъ съ крикомъ: азадъ, смѣртныя! — бросился за свиньями.

Стадо привольно разбрелось по паре. Жеманно, на разные лады, тонкими голосками перекликались ягнята. Одинъ, упавъ на колѣни, засовалъ мордочкой подъ пахъ матери и

такъ торопливо, дрожа хвостикомъ и подталкивая ее, сталъ сосать, что дѣдъ засмѣялся отъ удовольствія...

II

Поспѣшно подходя къ своей избѣ, онъ увидалъ, что по выгону, прямо къ ней, ѣдетъ молодой баринъ изъ Залѣс наго, и бросился отгонять подъ гору сосѣдскую кобылу: вороной барскій жеребецъ весь заигралъ и заплясалъ, выгибая шею.

Сдерживая его и сгибая своей тяжестью дрожки, баринъ въѣхалъ въ тѣнь избы и остановился. Дѣдъ почтительно сталъ у порога.

— Здравствуй, Кастрюкъ, — сказалъ баринъ ласково и, отирая красное лицо съ рыжей бородой, досталъ папиросы.

— Жарко! — прибавилъ онъ и протянулъ папироску и дѣду.

— Непривычны, Миколай Петровичъ, — захихикалъ тотъ. — Трубочку вотъ, а то шкаликъ-другой красенькаго — это мы, старики, любимъ!

— А я было къ вамъ по дѣльцу, — началъ Николай Петровичъ, отдуваясь. — Ыздилъ повѣщать на Можаровку... надѣвай шапку-то, Семень!.. да вотъ, кстати, и къ вамъ. Дѣвокъ своихъ не пошлете ли ко мнѣ?

— Аль еще не сажали? — спросилъ дѣдъ участливо.

— Запоздали нынче... не я одинъ.

— Запоздали, Миколай Петровичъ, запоздали...

— Я... — продолжалъ баринъ и вдругъ такъ зычно гаркнулъ: „балуй“, что дѣдъ со всѣхъ ногъ бросился держать жеребца.

— Немножко-то посадилъ, — опять началъ баринъ, — а пора и совсѣмъ управиться. Дѣвчонокъ-то своихъ и турили бы ко мнѣ.

— Разя одинъ совладаешь, Миколай Петровичъ?

— Да ты скажи своимъ-то.

— Солдатка-то дома, что ль? — спросилъ дѣдъ дѣловымъ тономъ у подошедшей старухи и замаялся.

— Кабы солдатка была, она бы сбила, — сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь. — А я, сударушка, дома нонѣ сижу... Мнѣ и отойти нельзя... Кабы прежнее мое дѣло, покоситься тамъ али подъ паринку, — я бы единымъ духомъ.

— Жалко, — сказалъ баринъ задумчиво. — Видно, вечеромъ заверну, — и взялся за вожжи.

Чтобы какъ-нибудь задержать его, дѣдъ вдругъ сказалъ:

— Ты, сударушка, нанялъ бы меня въ работники...

— Что жъ, нанимайся, — сказалъ баринъ, разсѣянно улыбаясь.

— А когда заступать?

Баринъ пристально поглядѣлъ на него и качнулъ головою.

— Заступать когда? Эка ты шустрый какой!

— Я-то, сударушка? Да я ихъ всѣхъ, молоденькихъ-то, за поясъ заткну! Я еще жениться хочу! Да на свадьбѣ еще плясать буду!

— Да ужъ ты! — перебилъ баринъ, усмѣхаясь, ударилъ вожей жеребца и покатылъ по выгону.

Дѣдъ постоялъ подумалъ..

Все говорило ему, что онъ теперь отжившій человекъ. Такъ только, для дому нуженъ, пока еще ноги ходять... „Ишь покатылъ!“ подумалъ онъ съ сердцемъ, глядя вслѣдъ убѣгающимъ дрожкамъ, и пошелъ вынимать изъ печки похлебку.

Пообѣдавъ, внучка съ ребятишками ушла въ лужокъ за баранчиками. Всѣ они такъ жалобно просились пустить ихъ, что дѣдъ не могъ устоять. Только сказалъ:

— Не найдете, ребята, развѣ снятку только...

Въ избѣ дѣдъ отъ нечего дѣлать снова принялся за ѣду. Онъ натеръ себѣ картошекъ, налилъ въ нихъ немного молока (боялся, что и за это сноха будетъ ругаться) и долго ѣлъ мѣсиво.

Въ пустой избѣ стоялъ горячій, спертый воздухъ. Солнце сквозь маленькія, клеенныя изъ кусочковъ, мутныя стекла било жаркими лучами на покоробленную доску стола, которую, вмѣстѣ съ крошками хлѣба и большой ложкой, чернымъ роємъ облѣпили мухи.

Вдругъ дѣдъ съ радостью вспомнилъ, что есть еще дѣло— достать изъ-подъ крыши пачку листовой махорки, раскрошить ее и набить трубку. Влѣзая въ сѣнцахъ по каменной стѣнѣ подъ застрѣху, онъ едва не сорвался—голова у него закружилась, въ спинѣ заломило... Онъ опять съ горечью подумалъ о своей старости и, уже лѣнливо дотащившись до порога избы, на который еще падала тѣнь, медленно занялся дѣломъ.

Въ полдень деревня вся точно вымерла. Тишина весенняго знойнаго дня очаровала ее

Старухи-сосѣдки долго „искались“ подъ старой лозиной на выгонѣ, потомъ легли, накрыли головы занавѣсками и заснули. Самые маленькіе ребятишки хлопотливо лѣпили изъ глины улыи, собравшись въ размытомъ спускѣ около пруда. Изрѣдка мычалъ теленокъ, привязанный за кольцо около спящихъ бабъ. Изрѣдка доносился крикъ пѣтуха и нагонялъ на деревню тихую дрему. А въ поляхъ попрежнему заливались жаворонки, зеленѣли всходы и по горизонтамъ, какъ расплавленное стекло, дрожалъ и струился паръ.

Дѣдъ легъ около пуньки, стараясь заснуть. Для этого онъ старался представить себѣ, какъ шумитъ лѣсъ, какъ ходитъ волнами рожь на буграхъ по вѣтру и шуршитъ, переливается, и слегка покачивался самъ. Но сонъ не приходилъ.

Лежа съ закрытыми глазами, дѣдъ все думалъ о своей старости.

Теперь, небось, Андрей крѣпко спитъ подъ телѣгою. Дѣду же, можетъ быть, до самой смерти не придется больше заснуть въ полѣ. Въ рабочую пору онъ будетъ проводить долгіе знойные дни наединѣ съ внучкою... А вѣдь было время—лучше его не косилъ никто во всей округѣ. Бывало, когда всей деревней косили у барина, онъ всѣхъ велъ за собою. Да никто не могъ и выпить больше его, когда, вернувшись гурьбой съ поля на господскій дворъ, мужики усаживались около амбара за ведромъ водки и начиналась „Веселая бесѣдушка“.

Никогда, однако, не пропивалъ онъ ума-разума. Все у

него было всегда въ порядкѣ: и изба каждую осень крылась новой соломой, и кобыла была всегда въ тѣлѣ („печка!—говорили мужики,—хоть спать ложись на спинѣ!“), и свадьбу сына онъ справилъ всѣмъ на удивленіе. Вся деревня собралась смотрѣть, когда на первый, послѣ княжаго пира, престольный праздникъ Андрей поѣхалъ къ тестю. Рядомъ со своей разряженной бабой сѣлъ онъ въ новые „козырьки“, покрытые цвѣтной попоной, выставилъ за грядку одну ногу въ валенкѣ и покатилъ по выгону... Дѣдъ надѣялся тогда, что подъ старость будетъ у него первая во всей деревнѣ семья, что никому не позволитъ онъ ссориться, заводить дѣлежи...

— Пирогі ситные въ обмочку, думалъ, буду ѣсть, пробормоталъ онъ.

Анъ все вышло не по-гаданному.

Младшій сынъ отдѣлился, а старшій хотя и остался съ нимъ, да немного вышло проку... Главное же—старуха всѣхъ подрѣзала. Умерла въ самое плохое, голодное время. Да ослабѣли и его ноженьки, и придется ему теперь до смерти сидѣть съ ребятишками, въ родѣ караульщика.!

— Ишь, ровесникъ-то мой,—подумалъ онъ съ озлобленіемъ,—Салтанъ-то—и то убежъ со двора!

И чего онъ, дѣдъ, маялся на свѣтѣ и на что надѣялся—Богъ его знаетъ!

— Ни почету не дождался,—думалъ дѣдъ, вспоминая сына, посадившаго его караульщикомъ,—ни богатства—ничего! И помрешь вотъ-вотъ и ни одинъ кобель по тебѣ не взвоетъ!

III

Дологъ этотъ день показался ему.

Дашка воротилась изъ лужка и присоединилась къ ребятамъ, игравшимъ въ спускѣ.

— Ай ужъ и мнѣ пойтить къ нимъ свистульки лѣпить?—думалъ дѣдъ съ горькой улыбкой—и наконецъ не выдержалъ.

— Посмотри, сударушка, за избой—сказаль онъ старухъ-сосѣдкѣ, которая около пуньки медленно скатывала холосты.

— Ай соскучился?—спросила та жалобно.

— Соскучился, сударушка! И какъ только это вы, бабы, дома сидите?

— А ты на-долго, небось?

— Нѣтъ, я сейчасъ, въ одну минутую...

До заката было еще далеко. Но Андрей долженъ былъ, по расчетамъ дѣда, управиться раньше вечера. Онъ поглядываль на солнце и рѣшалъ, что осминникъ надо досадить именно къ этой порѣ.

На выгонѣ онъ встрѣтилъ возвращавшагося съ поля Глѣбочку. Глѣбочка, высокій, худощавый мужикъ съ веснушками на блѣдномъ лицѣ и съ опухшими красными вѣками, въ старомъ полушубкѣ, изъ лохматыхъ дыръ котораго виднѣлась бѣлая рубаха, покачивался, сидя бокомъ на спинѣ лошади; перевернутая соха тащиалась сзади, дребезжа палицей о подвои.

— Ай, сударушка, разохи-то пропиль?—пошутилъ дѣдъ.

— Пропиль,—съ блѣдной улыбкой отвѣтилъ Глѣбочка.

— А мои скоро?

— Должно, ѣдутъ.

— Гдѣ же дѣвки-то твои?

— Дѣвти идутъ,—отвѣтилъ Глѣбочка картаво.

На валу, подъ молодыми лозинками, дѣдъ сѣлъ и, шурясь отъ низкаго солнца, глядѣлъ въ даль, по дорогѣ.

Тишина кроткаго весенняго вечера стояла въ полѣ. На востокѣ чуть вырисовывалась гряда неподвижныхъ нѣжно-розовыхъ облаковъ. Къ закату собирались длинныя перистыя ткани тучекъ... Когда же солнце слегка задернулось одной изъ нихъ, въ полѣ, надъ широкой равниной, влажно зеленѣющей всходами и пестрѣющей паромъ, тонко, нѣжно засинѣлъ воздухъ. Безмятежнѣе и еще слаше, чѣмъ днемъ, заливались жаворонки. Съ паровъ пахло свѣжестью, зацвѣтающими травами, медовой пылью желтаго донника.. Дѣдъ закрываль глаза, прислушивался, убаюкиваясь.

— Эхъ, кабы теперь дождичка,—думаль онъ,—то-то бы ржи-то поднялись! Да нѣтъ, опять солнышко чисто садится.

Вспоминая, что и завтра предстоитъ ему стариковскій день, онъ морщился, придумываль, какъ бы избавиться отъ него. Онъ досадливо качаль головою, скребъ спину, облеченную въ длинную стариковскую рубаху... и наконецъ пришелъ къ счастливой мысли!

— Ну, прикончилъ?—говориль онъ черезъ полчаса заискивающимъ тономъ, шагая рядомъ съ сыномъ и держась за оглоблю сохи.

— Кончить-то кончилъ,—отвѣчалъ Андрей ласково,—а ты-то какъ? Небось, соскучился?

— И-и, не приведи Богъ!—воскликнулъ дѣдъ ото всего сердца. —Сослужиль, братъ, службу... не хуже какого-нибудь солдата стараго на капустѣ!

И смѣясь, желая не придавать своимъ словамъ просящаго выраженія, попросилъ въ ночное.

— Съ ребятами... а?—сказаль онъ, заглядывая сыну въ глаза.

— Что жъ, веди!—отвѣтилъ Андрей.—Только не забудь на поляхъ кобылу напоить.

Дѣдъ закашлялся, чтобы скрыть свою радость.

IV

На закатѣ, послѣ ужина, положиль онъ на спину кобылы зипунъ и полушубокъ, взвалился на нее животомъ и рысцой тронулъ за ребятами.

— Эй, погоди старика, —кричалъ онъ имъ.

Ребята не слушали. Старостинъ сынишка обскакаль его, растарасивъ босыя ножки на спинѣ кругленькаго и екающаго селезенкой мерина. Легкая пыль стлалась по дорогѣ. Топотъ небольшого табуна сливался съ веселыми криками и смѣхомъ.

— Дѣдъ,—кричали нѣкоторые тоненькими голосками,—давай на обгонки!

Дѣдъ легонько поталкивалъ лаптями подѣ брюхо кобылы. Въ лощинкѣ, за версту отъ деревни, онъ завернулъ на прудъ.

Отставивъ увязшую въ тину ногу и нервно вздрагивая всей кожей отъ тонко поющихъ комаровъ, кобыла долго-долго, однообразно сосала воду, и видно было, какъ вода волнисто шла по ея горлу. Передъ концомъ питья она оторвалась на время отъ воды, подняла голову и медленно, тупо оглядѣлась кругомъ. Дѣдъ ласково посвисталъ ей. Теплая вода капала съ губъ кобылы, а она не то задумалась, не то залюбовалась на тихую поверхность пруда. Глубоко-глубоко отражались въ прудѣ и берегъ, и вечернее небо, и бѣлыя полоски облаковъ. Плавно качались части этой отраженной картины и сливались въ одну отъ тихо раскатывающегося все шире и шире круга по водѣ... Потомъ кобыла сдѣлала еще нѣсколько глотковъ, глубоко вздохнула и, съ чмоканьемъ вытащивъ изъ тины одну за другою ноги, вскарабкалась на берегъ и словно проснулась, ожила.

Позвякивая полуоторванной подковой, бодрой иноходью пошла она по темнѣющей дорогѣ. Отъ долгаго дня у дѣда осталось такое впечатлѣніе, словно онъ пролежалъ его въ болѣзни и теперь выздоравливалъ. Онъ весело покрикивалъ на кобылу, вдыхалъ полной грудью свѣжѣющій вечерній воздухъ.

„Не забыть бы подкову оторвать“, думалъ онъ.

Въ полѣ ребята курили донникъ, спорили, кому въ какой чередѣ дежурить.

— Будя, ребята, спорить-то,—сказалъ дѣдъ.—Карауль пока ты, Васька,—вѣдь, правда, твой чередъ-то. А вы, ребята, ложитесь. Только смотри, не ложись головой на межу—домовой отдавить!

А когда лошади спокойно вникли въ кормъ и прекратилась возня улегшихся рядышкомъ ребятъ, смѣхъ надъ коростелью, которая оттого такъ скрипитъ, что деретъ ногу объ ногу, дѣдъ постлалъ себѣ у межи полушубокъ, зипунъ и съ чистымъ сердцемъ, съ благоговѣніемъ сталъ на колѣни и

долго молился на темное, звѣздное, прекрасное небо, на мерцающій млечный путь—святую дорогу ко граду Іерусалиму, Наконецъ, и онъ легъ.

Темнота разливалась надъ безбрежной равниной. Въ свѣжести весенней степной ночи тонули поля. За ними, за ночнымъ мракомъ, слабо, какъ одинокая мечта, на слабомъ фонѣ заката маячилъ силуэтъ далекой-далекой мельницы...

ВЕЛГА

Слышишь, какъ жалобно кричить чайка надъ шумящимъ взволнованнымъ моремъ?

Въ туманной дали, на западѣ, теряются его темныя воды; въ туманную даль, на сѣверѣ, уходитъ каменистый берегъ. Холодно и вѣтрено. Глухой шумъ зыби, то ослабѣвая, то усиливаясь,—точно ропотъ сосноваго бора, когда по его вершинамъ идетъ и разрастается буря,—глубокими и величавыми вздохами разносится вмѣстѣ съ криками чайки... Видишь, какъ безпріютно вѣется она въ тускломъ осеннемъ туманѣ, качаясь по холодному вѣтру на упругихъ крыльяхъ?—Это къ непогодѣ.

День съ самага утра хмурится. Здѣсь, на этомъ непривѣтливомъ сѣверномъ морѣ, на его пустынныхъ островахъ и побережьяхъ, круглый годъ ненастье. Теперь же осень, а сѣверѣ еще печальнѣе осенью. Море угрюмо вздулось и становится темно-желѣзнаго цвѣта. Издали необозримая равнина его кажется выше берега, она уходитъ въ туманный просторъ на западѣ, а вѣтеръ все быстрѣе гонитъ съ запада волны и далеко разноситъ крикъ чайки.

— Кри-э!—жалобно и пронзительно звучитъ по вѣтру.

Утромъ она безпокойно и криво летала надъ самымъ прибоемъ. Море непрерывно крутящимися валами окаймляло берегъ. Здѣсь оно, налетая на него съ грохотомъ и шумомъ, рыло подъ собой гравій, тамъ, какъ кипящій снѣгъ, разсыпалось съ шипѣніемъ на камни и широко взлизыва-

лось на берегъ, но тотчасъ же скользило, какъ стекло, назадъ подпирая собою новый крутящейся валъ, а вдали расшибалось о камни и высоко взвивалось въ воздухъ. И далеко гудѣлъ берегъ отъ прибоа... Чайка съ крикомъ бросалась между волнами, плавно соскальзывая внизъ по водѣ въ ихъ ухабы, выносилась на новой волнѣ до высокаго гребня и взлетала вся въ брызгахъ и пѣнѣ. Вѣтеръ вольно носилъ ее низко надъ моремъ.

Но потомъ она словно устала. Надвигается ненастный вечеръ, и безсильно качается чайка по вѣтру, все дальше уходитъ, бѣлѣя въ туманѣ, отъ берега въ море... Слышишь, какъ жалобно раздаются ея радостныя стenanія?

Вонъ она уже еле-еле виднѣется въ сумракѣ. Быстро спускается темная, бурная ночь; чаще и чаще то тамъ, то здѣсь мелькаютъ въ морѣ сѣдыя космы пѣны. Шумъ прибоа растетъ, ледяной вѣтеръ вздымаетъ и бѣшено срываетъ волны, разнося по воздуху брызги и рѣзкій запахъ моря.

— Кри-э—доносится откуда-то издалека, снизу...

Слушай, я расскажу тебѣ, подъ шумъ бушующаго сѣвернаго моря, старую сѣверную легенду.

I

Было это давно, въ незапамятное время.

У холоднаго сѣвернаго моря жила молодая и сильная Велга. На закатъ были воды, на востокъ—песчаный берегъ, близко за селеніемъ сходявшійся съ небомъ. Что было тамъ, къ востоку,—Велга не знала и не хотѣла знать. Она никогда не ходила къ востоку. Не ходилъ и отецъ ея, не ходила и мать, не ходила и старшая сестра, Снегаръ. Они знали только море.

Возлѣ моря прошло дѣтство Велги. Быстро прошло оно, и весело было ей въ дѣтствѣ! Зимой, когда море только подъ самымъ краемъ неба чернѣло волнами, а у береговъ было покрыто бѣлымъ снѣгомъ, Велга спала въ мягкомъ гагачьемъ пуху и, просыпаясь, видѣла передъ собой живой

свѣтъ очага среди темной и низкой хижины. Лѣтомъ, когда свѣтитъ солнце, дуетъ теплый вѣтеръ и вода легко плещется въ морѣ, Велга искала на пескахъ яички зуйковъ и плавунчиковъ, или бѣгала къ прибою, ложилась ничкомъ на берегъ, а волны съ шумомъ обдавали ее... Такъ забавлялась она лѣтомъ, и всегда съ Велгой были Ирвальдъ и Снегаръ.

Толстая Снегаръ часто смѣялась и пѣла, да не умѣла она такъ звонко кричать и такъ смѣло кидаться въ шумящее море, какъ Велга. Но Ирвальдъ умѣлъ, и разъ Велга сказала ему:

— Отчего ты не братъ мнѣ, Ирвальдъ? Отчего у меня нѣтъ брата, котораго я любила бы такъ, какъ тебя, Ирвальдъ? Я бы не скучала безъ тебя долгую зиму.

Онъ взглянулъ на нее, улыбнулся и вдругъ кинулся къ морю.

— Смотри, смотри: гагара!—закричалъ онъ ей.

И они, какъ вѣтеръ, гнались другъ за другомъ, убѣгали туда, гдѣ въ прибрежныхъ пещерахъ звонко раздается голосъ, гдѣ у берега громоздятся высокія скалы, а тяжелая вода съ шумомъ поднимается и скользитъ между ними, шипитъ и кипитъ, опускаясь, и съ журчаньемъ, струями сливается съ плоскаго камня. Тамъ дразнили они волны, близко подбѣгая къ нимъ...

Зачѣмъ такъ быстро прошло дѣтство Велги?

Все нетерпѣливѣе проводила она долгія зимы въ хижинѣ, занесенной снѣгомъ. Стало ей четырнадцать лѣтъ, а Ирвальду—шестнадцать, и часто уходилъ онъ теперь за рыбой въ море. Но зато какъ радовалась Велга, когда Ирвальдъ возвращался!

— Милый Ирвальдъ,—говорила она ему,—мнѣ хочется плакать, что такъ долго тебя не было, и хочется смѣяться, что я опять вижу тебя!

Но ужъ выросла и Снегаръ большая. Ирвальдъ забывать сталъ о Велгѣ. Онъ часто сидѣлъ возлѣ Снегаръ и глядѣлъ въ ея лицо. А Велга издали слѣдила за ними. Не хотѣлось ей при сестрѣ разговаривать съ Ирвальдомъ. Но

когда онъ уходилъ по берегу къ своему дому, Велга догоняла его и провожала до самаго порога.

— Милый Ирвальдъ,—говорила она ему,—зачѣмъ ты такъ долго сидѣлъ возлѣ Снегаръ? Зачѣмъ горе мѣшаетъ моей радости?

И стала Велга пѣть на берегу моря звонкія пѣсни сквозь слезы. А когда съ ней встрѣчались подруги, она замолкала, и лицо ея становилось сурово и гордо.

II

Хижина отца Велги стояла вдалекѣ отъ рыбацкаго селенья, на каменистомъ побережьѣ, засыпанномъ жесткими песками, и въ часы прилива море добѣгало до ея порога.

Если же приливъ былъ въ бурю, то оно хлестало даже въ окна, затянутыя кишками гагары. Тогда Снегаръ обрывала пѣсню, бросала въ испугѣ работу и уходила отъ оконъ. Старая мать Велги бормотала заклятія и съ тревогой прислушивалась къ завыванію вѣтра. Но сама Велга не боялась бури. Она вмѣстѣ съ отцомъ выходила на мокрый порогъ хижины, скатывала на вѣтру сѣти, а потомъ вбѣгала въ воду, и холодная вода, поднимаясь и опускаясь, обнимала и мыла ея босыя ноги, обдавая ихъ шипящею сѣрою пѣной и опутывала мокрыми блѣдно-зелеными травами. Велга разрывала ихъ ногами и вдыхала сильной грудью свѣжій, влажный вѣтеръ, поднимала навстрѣчу ему голову, а вѣтеръ трепалъ ея русые волосы. Такъ стояла она, молодая и стройная, и лицо ея было смѣло, бирюзовые глаза зорко глядѣли въ даль. Но только птицы святого Петра носились тамъ крикливыми стаями и по водѣ взбѣгали, распутивъ крылышки, на самые высокіе гребни взметывающихся и разсыпающихся водяныхъ бугровъ.

Дѣвушки стали называть Велгу печальною и злою, потому что никогда не смѣялась Велга и не пѣла съ сестрой за работой. Но никогда до пятнадцати лѣтъ не бывала Велга печальною и злою. Сердце ея было отважно, какъ у мо-

лодой птицы, и радовалась Велга на бури и море, на солнце и землю, на свою дѣвичью свободу. Только безъ Ирвальда грустила она: сильно хотѣлось ей рассказать ему, какъ хорошо жить на свѣтѣ.

Ирвальдъ давно былъ на морѣ. Утомилась Велга ходить по побережью и слѣдить за волнами; хотѣлось ей крикнуть черезъ море, что утомилась она ждать Ирвальда, что нельзя ему любить Снеггарь, если Велга не можетъ жить безъ него.

А когда подулъ теплый вѣтеръ съ заката и стало опустаться къ морю солнце, Велга пришла къ сестрѣ и сказала ей:

— Милая Снеггарь, хочешь я расскажу тебя, какъ ласковъ лѣтній вѣтеръ, какъ легко пахнетъ море водой и какъ мнѣ грустно безъ Ирвальда?

— Не хочу,—отвѣчала Снеггарь, праздно и спокойно сидя у порога.

Велга ушла отъ нея, сѣла на берегу и долго слушала, какъ плещется теплая вода въ сумеркахъ. Слезы, какъ теплая вода, падали на ея руки.

Увидавъ Ирвальда, она вскрикнула, а онъ засмѣялся и приказалъ ей носить изъ лодки рыбу и сѣти на берегъ. Она послушно и долго трудилась съ нимъ, смущенно спрашивая его, куда онъ ѣздилъ, а когда сталъ подниматься надъ моремъ большой, блѣдный мѣсяцъ, она утомилась, сѣла въ пустую лодку и вздохнула ночнымъ вѣтромъ.

— Ирвальдъ,—сказала она,—я ждала тебя —и безпокойно билось и томилось мое сердце. Но, когда ты пріѣхалъ, такъ легко стало мнѣ!

А Ирвальдъ сидѣлъ, глядѣлъ на мѣсяцъ. Стыдно стало Велгѣ, что онъ не отвѣтилъ ей, и она, опустивъ глаза, спросила его тихо:

— Ты слышалъ мои слова, Ирвальдъ?

— Да,—сказалъ Ирвальдъ.

И тогда совсѣмъ низко наклонила Велга голову и проговорила:

— Возьми меня въ свой домъ, Ирвальдъ! Я буду ходить съ тобой въ море, буду пѣть тебѣ пѣсни и работать съ тобой. Такъ сладко жить на свѣтѣ съ тобой!

— Мы никогда не будемъ жить съ тобой,—твердо отвѣтилъ ей Ирвальдъ.—Завтра я опять уйду въ море, а когда вернусь, возьму за руку Снеггарь. вмѣстѣ проведемъ мы зиму, а лѣтомъ опять уплывемъ, какъ двѣ гагары.

— А я?—медленно сказала Велга и почувствовала, какъ тяжело застучало ея сердце.—Я останусь одна?—громко сказала Велга.

— Да,—отвѣтилъ Ирвальдъ.

Тогда Велга быстро прыгнула на берегъ и быстро пошла по берегу. И, когда далеко ушла, кинулась на сѣрый камень и закричала мѣсяцу, что ей больно въ сердцѣ, и зарыдала, упала на камень.

III

Слышишь, какъ дико завываетъ вѣтеръ во мракѣ? Непривѣтливо сѣверное [море!

Осень наступила на утро, и зашумѣли въ тускломъ туманѣ отяжелѣвшія волны. И когда пахнуло на Велгу холоднымъ вѣтромъ, вскочила она и бросилась въ воду. Но волна поднялась и далеко отшвырнула ее на берегъ.

— Море не хочетъ, чтобы я умерла,—сказала себѣ Велга.—Прежде я должна убить Ирвальда.

И молча возвратилась она домой. Высохли на щекахъ ея слезы, и спокойно было ея суровое лицо, но темно на сердцѣ.

— Снеггарь,—сказала она сестрѣ,—уѣхалъ Ирвальдъ?

— Да,—отвѣчала Снеггарь.

— Когда вернется онъ?—спросила Велга.

— Когда начнетъ падать мокрый снѣгъ и потемнѣетъ море,—отвѣчала Снеггарь.

Тогда Велга съѣла рыбы и ушла на порогъ хижины. Тамъ сѣла она на вѣтру и просидѣла весь день, скорбно

сдвинувъ брови. На ночь она вернулась подъ кровлю. а утромъ опять вышла за дверь, ожидая Ирвальда. И такъ проводила она дни и ночи, пока не пошелъ первый мокрый снѣгъ.

„Скоро вернется Ирвальдъ,—думала Велга, и сладостная горечь обиды и злобы томительно вливалась въ ея сердце.— Я убью его, а потомъ и сама успокоюсь въ могилѣ“.

Но Ирвальдъ не возвращался. Ужъ надвигались сумерки, и все чаще стала Велга подниматься съ порога и, стоя, напряженно глядѣть въ море. И въ сумеркахъ изъ хижины вышелъ старый отецъ Велги. Вѣтеръ развѣвалъ его длинные сѣдые волосы.

— Велга, дитя мое, — сказалъ онъ ласково, — отчего ты покинула родной домъ? Вотъ, поднимается зловѣщая ночная буря, передъ которой неутѣшно тоскуетъ сердце человѣка. Помоги мнѣ укрѣпить подпорками стѣны, положить камней на кровлю изъ кожи тюленей, и укроюсь подъ кровлю отъ непогоды и ночи.

Отъ нѣжныхъ словъ дрогнуло сердце Велги жалостью къ самой себѣ, къ отцу и къ Ирвальду. Она поспѣшно стала помогать въ работѣ. Вѣтеръ валилъ ихъ съ ногъ и застилалъ весь воздухъ водяною пылью, словно въ морѣ бушевала вьюга. Въ самыя окна хлестали волны косматой пѣной, и въ испугѣ поспѣшила Велга подъ кровлю.

Тамъ, въ темнотѣ ночи, вдругъ вспомнила она, какъ много лѣтъ тому назадъ, когда Ирвальдъ былъ еще ребенкомъ, онъ остался ночевать въ ихъ хижинѣ. Онъ былъ въ эту ночь ея гостемъ, и она сама постлала ему постель и поцѣловала его, по обычаю гостепримства, передъ сномъ. Она вспомнила милое ей лицо его, и еще больше овладѣли ея сердцемъ жалость и любовь къ нему. Тогда она, забывъ, что хотѣла убить его, быстро встала съ ложа и въ тревогѣ стала слушать. Ей чудились въ шумѣ вѣтра его крики, и всю ночь трепетала она отъ страха и, обезсиленная, забывалась сномъ лишь подъ утро.

Море же стало стихать; въ воздухѣ повѣяло дыханіемъ

зимняго мороза. И когда Велга проснулась и отворила на дневной свѣтъ дверь дома, навстрѣчу ей переступила порогъ Снеггаръ.

— Велга!— сказала она.—Буря унесла Ирвальда на дикіе острова Ледяного моря и разбила его лодку. Онъ одинъ теперь въ морѣ и ждетъ смерти отъ холода, голода и толстыхъ клювовъ морскихъ птицъ.

— Кто сказалъ тебѣ?—крикнула Велга.

— Я была у вѣщей Чарны, и она гадала мнѣ на кишкахъ гагары,—отвѣчала Снеггаръ и, закрывъ лицо руками, стала плакать.

— Снеггаръ...—нѣжно хотѣла проговорить Велга.

Но брови ея сурово сдвинулись, и она сильной рукою распахнула дверь дома.

IV

Она быстро пошла по побережью на сѣверъ. Въ холодный, темный вечеръ вступила она въ хижину Чарны, теплую отъ костра, пылающаго краснымъ пламенемъ.

— Научи меня, о, вѣщяя!—воскликнула она передъ Чарной.—Укажи путь къ Ирвальду!

— Поспѣши!—сказала Чарна.—Два дня и двѣ ночи надо плыть къ Ирвальду. Не поспѣешь къ разсвѣту третьяго дня,—онъ погибнетъ, Но скажи мнѣ, Велга, слыхала ли ты о пустыняхъ Ледяного моря, гдѣ такъ же дико и печально, какъ въ первые дни міра?

Какъ пойманная рыба, затрепетало сердце Велги.

— Пожалѣй меня, Чарна! — отвѣчала она. — Горько мнѣ разстаться съ жизнью. Но если такъ надо, скажи: что будешь со мной?

— Два дня и двѣ ночи проведешь ты въ тоскѣ и страхѣ среди моря,—сказала Чарна.—А когда ступишь на островъ, гдѣ томится Ирвальдъ, обратишься ты въ чайку, и не узнаешь онъ, для кого ты погибла.

Какъ первый снѣгъ, поблѣднѣла Велга, но глаза ея сверкнули радостью и она отвѣчала Чарнѣ:

— Я иду, Чарна.

— Поспѣши,—сказала Чарна.

Противъ вѣтра, по морскому песку побережья побѣжала Велга къ шумящему, темному морю. Хотѣлось ей крикнуть „прости“ сестрѣ, отцу и матери, но безпокойно билась у берега лодка на волнахъ, и быстро прыгнула въ нее Велга. На закатъ, гдѣ едва свѣтила кровавая полоса зари, направила она лодку и стояла, качаясь на волнахъ, и слезы горѣли на ея глазахъ, а вѣтеръ развѣвалъ въ темнотѣ ея бѣлую одежду и дулъ въ лицо съ Ледяного моря.

V

На разсвѣтѣ увидала она себя окруженной блѣднымъ холоднымъ моремъ, у песчаннаго пустыннаго острова. Никого не было на томъ островѣ. Только вода взбѣгала на его песокъ и бѣлѣла пѣной. „Водяные пастушки“, на высокихъ и тонкихъ ногахъ, бѣгали у прибора и искали среди раковинъ пищи. Но и „водяныхъ пастушковъ“ было мало: на зиму улетаютъ они къ берегамъ, гдѣ дуютъ теплые вѣтры. И еще нѣжнѣе загрустило сердце Велги.

А Ледяное море уже начиналось. Цѣлый день плыла Велга, и вступила въ тѣ безграничныя воды, что уходятъ на край свѣта и сливаются съ небомъ. Все тяжелѣе стучали волны въ дно лодки, потому что уже нѣтъ земли подъ тѣми волнами. Дикія сѣверныя птицы живутъ въ тѣхъ моряхъ, вдали отъ людей, на скалистыхъ островахъ. Онѣ сильны и одѣты плотнымъ пухомъ; онѣ всю зиму могутъ плавать среди льдовъ и глубоко ныряютъ въ ледяную воду. Тысячи ихъ гнѣздились на островахъ, и каждый островъ, какъ снѣгомъ, бѣлѣлъ птицами. Тамъ были гнѣзда на уединенныхъ утесахъ и въ норахъ подъ утесами. И въ сумеркахъ проплыла Велга мимо самаго большого острова.

Онъ весь, сверху до низу, былъ покрытъ, какъ сѣрой корою, засыхающимъ пометомъ птицъ, ихъ перьями и пухомъ. Птицы длинными рядами сидѣли на всѣхъ уступахъ

скаль. Внизу гнѣздились тѣ, что были поменьше, наверху стояли и дремали самыя большія и прожорливыя, съ бѣлыми животами и черными спинами, съ толстыми шеями и маленькими головами, съ блестящими глазами въ кольцахъ бѣлаго пуха и съ огромными уродливыми клювами, съ крѣпкими, грубыми лапами и короткими руками безъ пальцевъ. Птицы громко разговаривали, а какъ только наступили сумерки, и Велга, обезсиленная борьбой съ морознымъ вѣтромъ, причалила къ берегу на отдыхъ, тысячи ихъ поднялись съ шумомъ надъ нею, а самыя большія заготовили и заревѣли дико и радостно, стараясь перекричать другъ друга. И какъ снѣгъ поблѣднѣла Велга, собрала послѣднія силы и опять прыгнула въ лодку.

Ледяной туманъ окутывалъ ее мглой, плывя оттуда, гдѣ море сливается съ небомъ. Но уже не грустила Велга. Она трепетала отъ скорби передъ гибелью и отъ радости за Ирвальда.

И къ вечеру послѣдняго дня показался среди пасмурнаго тумана высокой и дикій утесъ на краю свѣта, тотъ, до котораго доходили только могучіе викинги и вбили въ него желѣзные кольца, чтобы привязать лодки. Яростный шумъ и гулъ буруновъ сливался тамъ съ тысячеголосыми криками хищныхъ птицъ, кружившихся въ туманѣ. А Ирвальдъ лежалъ у прибора, обезсиленный предсмертнымъ сномъ отъ холода и голода. Онъ былъ блѣденъ, какъ морская пѣна, и въ кудряхъ его былъ мокрый песокъ.

— Ирвальдъ!—крикнула Велга звонко.

Отъ ея голоса мгновенно очнулся Ирвальдъ. Хотѣла Велга крикнуть ему, что она любитъ его, какъ въ дѣтствѣ, но не коснулись ея ноги земли, когда она прыгнула съ лодки на берегъ: въ воздухѣ повисла она крылатою бѣлою чайкой, и крикъ ея раздался жалобно-радостнымъ крикомъ чайки надъ Ирвальдомъ. Онъ мгновенно очнулся отъ крика,—голосъ друга коснулся его сердца,—но, взглянувъ, онъ увидѣлъ лишь чайку, взлетѣвшую съ крикомъ надъ лодкой..

Онъ уплылъ на востокъ. Она долго вилась надъ водой,

провожая Ирвальда. А когда онъ сокрылся вдали, закачалась она безпріютною чайкой по вѣтру. Такъ тоскуеть она и донинѣ, вспоминая утесы въ туманѣ, гдѣ когда-то томился Ирвальдъ. Но въ стенаньяхъ ея звучить радость.

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>Стр.</i>
Сонъ Обломова-внука (1903 г.)	5
Днтоновскія яблоки (1900 г.)	12
Руда (1900 г.)	30
Весна (1912 г.)	36
Скитъ (1901 г.)	44
Сверчокъ (1911 г.)	52
На край свѣта (1894 г.)	65
На чужой сторонѣ (1893 г.)	73
Танька (1892 г.)	80
Кастрюкъ (1892 г.)	92
Велга (1895 г.)	104

10—

Цѣна 2 р. 50 к.